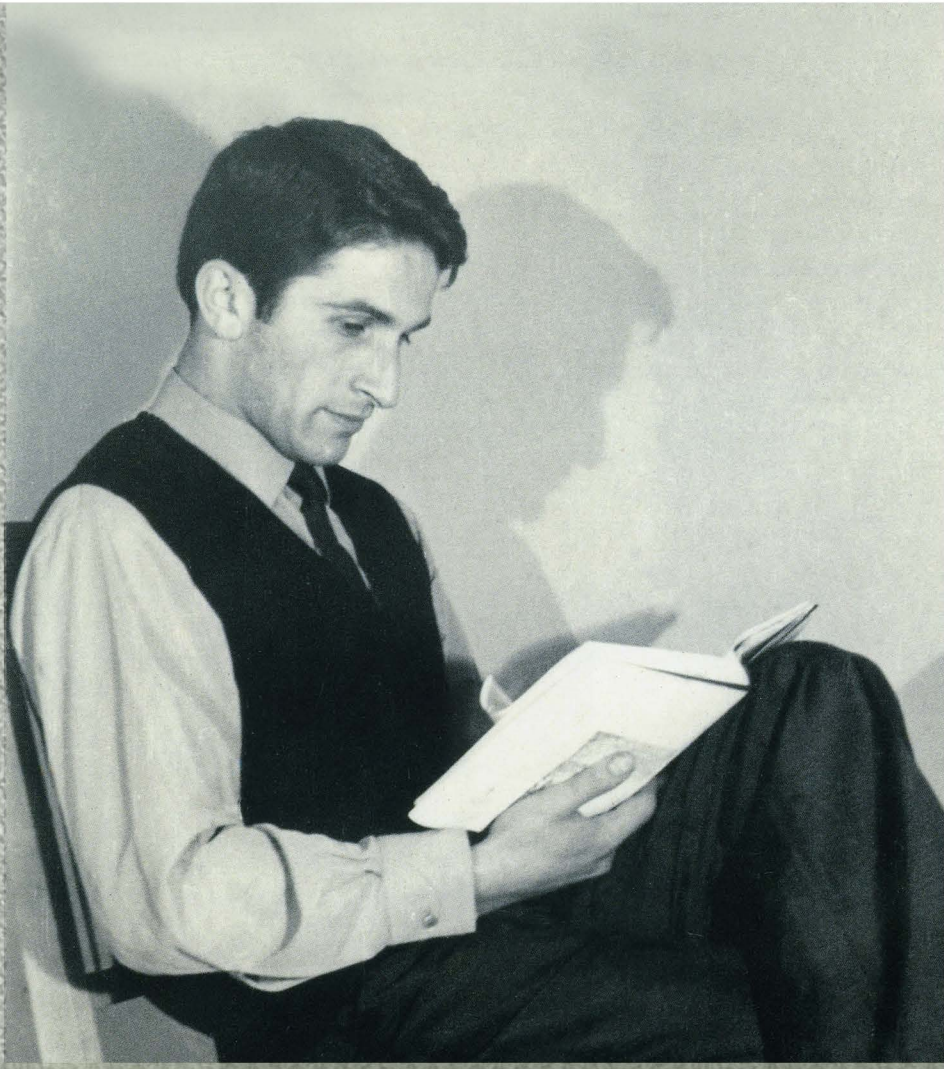

ПРИШЕЛ ИЗ ЭШЕР

ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

75-летию
Первого Президента Республики Абхазия
Владислава Ардзинба посвящается

ПРИШЕЛ ИЗ ЭШЕР

Сухум
2020

УДК 82-94
ББК 63.3(5Абх)6-8
А 79

г/р 978-5-166-06-03020

Содержание:

Пришел из Эшер 4
Владислав Ардзинба обманул всех нас 14
Ардзинба против появления миротворцев
на территории Абхазии 16
Абхазский тупик 19
«Не сочти себя небожителем, а равным среди равных» 24
Его приход к власти, думаю, был предрешен судьбой 31
Ардзинба на мушке. Миф или реальность 37
Покинь, война, край вечной весны! 39
Жизнь… за Президента 45
Ардзинба навсегда 48
Избранный 50
В XXI век – без крупных личностей? 61
Вождь народа 63
Политик от Бога 68
Героический сын Абхазии 71
День войны, который может подарить жизнь 75

Составитель – Л.К. Ардзинба
Редактор – С.И. Джергения
Корректор – А.С. Керопян

В сборник, приуроченный к 75-летию первого Президента Республики Абхазия В. Г. Ардзинба, включены статьи о нем, публиковавшиеся в разное время в различных журналах и газетах, – теперь малодоступных.

Время не властно над ними, более того – с годами они лишь подтверждают, что большое видится на расстоянии. Политика, как известно, это искусство возможного. Первому Президенту, при поддержке народа, удалось невозможное: выиграть, казалось бы, в проигрышной войне, выстоять в условиях тотальной блокады, достойно участвовать в процессе политического урегулирования в условиях, когда весь мир против тебя.

Сила духа и твердость убеждений первого Президента приближали признание Абхазии.

Народный поэт чеченской республики Умар Яриев в стихотворении «Первый» писал:

«…Лидер страны абхазов
Долгу и чести родимых душ
Не изменил ни разу».

ПРИШЕЛ ИЗ ЭШЕР

Жизнь и война Владислава Ардзинба

Миновав пограничный пост на реке Псоу, где выстроилась вдоль моста вереница машин, ждущих разрешения проехать на российскую территорию, и где нашу машину на протяжении каких-то 100 метров раз пять останавливали для проверки документов, мы вырываемся наконец на трассу за мостом и вдруг оказываемся в странной тишине и полном одиночестве, и так едем полчаса, час, почти не встречая и не догоняя ни машин, ни людей.

Кто помнит эту трассу, ведущую из Адлера в Сухуми, тот знает, какой оживленной бывала она в этот последний месяц лета, теперь же мы мчимся словно по вымершей земле.

Гудаута, Гудаутский район – единственное место Абхазии, куда так и не вошли войска госсовета Грузии. Оплот абхазского руководства, укрывшегося здесь после грузинского вторжения в Сухуми. Немного поколесив, останавливаемся у малоприметного особнячка. У металлических ворот – молодые парни с автоматами. Проверив документы, один из них уходит во двор и быстро возвращается, приглашая нас войти. Мы оказываемся в довольно тесном, увитом по здешнему обычаю виноградом дворике. Ждем, с любопытством осматриваясь. И вот откуда-то из глубины сада появляется и идет к нам хорошо знакомый по телерепортажам черноволосый человек в легкой светлой рубашке, и я не сразу замечаю кобуру на поясе его таких же светлых брюк. Это Ардзинба. Мы находимся в его гудаутской резиденции, которую лучше назвать военным штабом, потому что настоящая резиденция Председателя Верховного Совета Абхазии осталась в Сухуми, а здесь – вынужденная, временная, из которой, впрочем, его так и не смогли выбить грузинские боевики.

Что мы в сущности знаем об этом человеке? Один из новых, но уже общепризнанных национальных лидеров Кавказа. В недалеком прошлом – ученый-историк, специалист в уникальной области – хеттологии (наука об одном из древнейших народов Востока), проведший большую часть своей сознательной жизни в тиши архивов и библиотек Москвы, в известный момент всеобщего разлома и хаоса вдруг возвращается в родные места, становится руководителем республики, фактически возглавляет национальное движение за ее независи-

мость и – что самое удивительное, – будучи сугубым гуманитарием, никогда, наверное, не державшим в руках оружие, принимает вызов более сильного противника, и не сдается, не бежит, не трусит, а хладнокровно и четко организует свой народ на отпор агрессору, успешно руководит боевыми действиями и, спустя год с начала этой войны, все еще остается непобежденным.

Война, кажется, подходит к концу. Неужели и в правду конец ей? В ответ на мой вопрос Ардзинба с сомнением качает головой, ему известно, что грузинская сторона еще далеко не полностью выполнила условия соглашения. Так что рано говорить о «победе».

Но о чем говорить уже наверняка можно – это о несостоявшемся «поражении». Подавить, подчинить себе Абхазию силой Грузия не смогла. И я ищу ответ на один-единственный вопрос: почему такой искушенный политик, как Шеварднадзе, проиграл в этой войне такому, казалось бы, неопытному, начинающему политику, каким является в сравнении с ним Ардзинба?

Мысленно ставя рядом и шаг за шагом анализируя действия обоих лидеров, я прихожу к убеждению, что различия между ними имеют прежде всего нравственную основу и, быть может, она-то и предопределила в конечном счете исход их противостояния.

Оставим в стороне предшествующую жизнь этих людей, в которой один был сначала первым секретарем ЦК республики и членом Политбюро, потом министром, прослывшим «выдающимся демократом»,

а другой – всегда только одним из представителей национальной интеллигенции и патриотом своей малой родины. Начнем с момента, когда оба они должны были прервать один политическую, другой – научную карьеру и вернуться из Москвы на Кавказ. В самих способах их возвращения уже есть существенная разница. Шеварднадзе пришел к власти в Грузии в результате заговора политической элиты, военного переворота и изгнания законно избранного президента. Одно неправедное деяние всегда тянет за собой цепь других: в Тбилиси разгоняется парламент, прекращается действие Конституции, подавляется несогласие с происшедшим части населения…

Ардзинба возвращается в родные места по призыву своего народа. Сначала его, тогда сотрудника Института востоковедения АН СССР, доктора исторических наук, избирают директором Абхазского института языка, литературы и истории. Затем – народным депутатом СССР, членом Верховного Совета Союза. Наконец, в декабре 1990 года Верховный Совет Абхазии практически единогласно избирает его своим председателем. Как видим, путь вполне естественный, дающий полное моральное право действовать от имени народа.

Когда в Тбилиси объявили о возобновлении деятельности Конституции 1921 г., это означало фактическую ликвидацию автономий на ее территории. До этого Абхазия уже прошла в своей истории долгий и трагический путь постепенного понижения своего государственного статуса. Некогда могущественное и независимое Абхазское царство со временем превратилось в автономное княжество в составе Российской империи, а в результате Кавказской войны полностью перешло под управление русской военной администрации на Кавказе. В советское время в течение десяти лет (с 1921 г.) существовала независимая ССР Абхазия, правда, состоящая в «особом союзном договоре» с Грузией, в 1931 г. она была насильно включена в состав Грузинской ССР, на правах автономной республики. Все эти годы совершалась искусственная грузинизация Абхазии, когда закрывались абхазские школы, язык переводился на грузинскую графическую основу, изменялась топонимика (Сухум стал Сухуми) и даже фамилии абхазцев, а главное – шло массовое заселение территории Абхазии грузинами. Такая политика продолжалась вплоть до 50-х годов.

И вот теперь с приходом к власти Шеварднадзе абхазцам предлагалось забыть и об автономии. Тогда в качестве ответного шага ВС Абхазии объявил о прекращении действия своей Конституции 1978 г. и возобновлении Конституции 1925 г., по которой она была союзной республикой. При этом В. Ардзинба официально заявил, что этот акт

не означает выхода Абхазии из состава Грузии, а лишь предполагает установление с ней новых договорных отношений.

Проект договора с Грузией был разработан, опубликован в печати и должен был рассматриваться на заседании Верховного Совета 14 августа 1992 года, но в ночь с 13-го на 14-е в Абхазию вошли войска госсовета Грузии.

Тут мы сталкиваемся с типичным примером «двойного стандарта» в политике. Грузия провозгласила свою независимость и даже не пожелала войти в состав СНГ. Она, разумеется, имела на это право. Но когда такое же право на независимость попытались реализовать другие, Грузия им в этом категорически отказала. Такой «двойной стандарт» мы наблюдаем повсюду: это Приднестровье в Молдавии, это Крым на Украине, Нарва в Эстонии… Наконец, в самой России мы имеем сегодня целый «букет» подобных проблем – Татарстан, Чечня, Ингушетия… Все эти проблемы имеют одно общее происхождение – распад Союза, к которому грузинский лидер имел прямое отношение.

Начав войну против Абхазии Шеварднадзе тем самым доказал, что он не есть демократ и никогда им не был. Вспомните, из событий 9 апреля 1989 года в Тбилиси была в свое время сделана трагедия вселенских масштабов. Спустя всего три года уже не пресловутые саперные лопатки, а ракеты и бомбы пошли в ход, и не одну ночь, а целый год продолжалось побоище, в котором погибли не 16 человек, а тысячи, в том числе и мирное население. И что? Мировое сообщество возмутилось? Наши демократы потребовали виновных к ответу? В самой Грузии прокляли преступников? Ничуть не бывало!

Война не может быть нравственной и все же – когда войска госсовета подошли к Сухуми, руководство Абхазии, чтобы не допустить стрельбы и разрушений в городе, приняло решение не вступать в бой, отошло само и отвело свои небольшие на тот момент вооруженные формирования за реку, предложив грузинской стороне вступить в переговоры. Таким образом, Сухуми не завоевывали, в него вошли без единого выстрела, но в последующие дни надежда на переговоры была похоронена под обломками от снарядов.

Грузинские боевики сожгли Абхазский институт языка, литературы и истории (главный научный центр республики, где Ардзинба и по сей день остается директором), при этом уничтожены уникальный архив, библиотека XVI века. Сожжен также государственный архив Абхазии, где хранились документы, начиная с XVIII века, фактически уничтожен Абхазский госуниверситет, разграблен национальный музей, из кото-

рого исчезли уникальные коллекции. Ардзинба говорит, что он не мог и предполагать подобного варварства.

Когда же в свою очередь абхазская армия, накопив силы, получила реальную возможность освободить Сухуми, как раньше были освобождены Гагры и вся прилегающая к границе с Россией территория, она все-таки приостановила свое наступление, не желая множить разрушения и жертвы в столице.

Война не может быть нравственной, но высоконравственна позиция народа, вставшего на защиту своих домов, своей земли, своих семей.

– Многим в России не понятно, наверное, – говорит Ардзинба, – из-за чего там эти дикие кавказцы сражаются, стреляют, убивают друг друга. Зачем это надо? Да не надо! Но поймите, когда стоит вопрос о самом существовании народа, ничего другого не остается, как встать и защищаться.

Обращали ли вы внимание на то, как телевидение передает интервью лидеров Грузии и Абхазии. Ардзинба всегда смотрит собеседнику прямо в глаза, а Шеварднадзе всегда отводит взгляд в сторону – может, чувствует он свою личную вину за содеянное?

Тысячи погибших с обеих сторон, материальный ущерб, который предварительно оценивается более чем в 2 триллиона рублей, – вот итог 12 месяцев этой бессмысленной войны.

Но есть и еще один итог, Эдуард Шеварднадзе за этот год растерял, по-моему, последние остатки своего былого авторитета. Даже в самой Грузии, судя по многим признакам, он уже не пользуется особым признанием и, похоже, уже не управляет ситуацией. Что касается мирового сообщества… Расчет на то, что прошлые заслуги (главным образом в переориентации нашей внешней политики на Запад) станут гарантией особой поддержки, больших кредитов и, если потребуется, прямой военной защиты, пока она оправдывается. И сегодня Грузия поражена жесточайшим экономическим кризисом, там бесконечно идут свои политические «разборки», в результате которых меняются министры и правительство в целом. Но главное, пожалуй, это именно то, что Грузия, хорошо вооруженная (кстати, не без помощи России), так и не смогла подавить в войне маленькую Абхазию, у которой на момент вторжения, когда ее коварно отрезали десантом со стороны границы от России, находилось в том районе не более 15 человек, имевших в руках оружие.

– Шеварднадзе надо было, – говорит Ардзинба, – утвердиться во власти, а для этого разогнать наш парламент, создать и здесь малень-

кий госсоветик, чтобы напрямую командовать Абхазией. Он представлял себе, что для этого достаточно будет ввести танки на два-три дня, пострелять тех, кто окажет сопротивление, и на этом кончить дело. Но все оказалось не так просто.

Во всем – в том, как началась эта война, в том, как она велась и как теперь заканчивается – проявилась политическая безнравственность грузинского лидера.

Популярность и авторитет Владислава Ардзинбы, напротив, выросли за этот год до размеров едва ли не национального героя. Разобраться в этом феномене не так уж трудно: с ним отождествляется сегодня идея национального возрождения и самостоятельности одного из малочисленных кавказских народов. Какими качествами должен обладать лидер, воплощающий в себе эту идею?

Интеллектом? Да, безусловно. Но мы знаем примеры, когда ученые мужи, такие же, как Ардзинба, гуманитарии, едва став лидерами, вскоре бесславно сходили с дистанции (вспомним того же Гамсахурдиа или Эльчибея). Сила? Да, конечно. Но боевые афганские генералы, ставшие лидерами некоторых горских республик, пока не могут справиться с раздирающими эти республики противоречиями. Деньги? Недаром же последний из известных нам политических прецедентов лидерства основан именно на этом (Ильюмжинов). Ни боевого опыта, ни средств у Ардзинбы не было, когда он вступал в эту войну. Вот уже три года как Абхазия не получает денег из бюджета Грузии, живет, что называется, на своих хлебах. Курорты не действуют, производство остановлено, но люди засеяли кукурузой все, что могли засеять. Главная статья дохода – табак и чай. Но есть, я думаю, кое-что и поважнее – сила духа, удесятеренная стремлением к свободе.

Пытаясь разобраться в феномене Ардзинбы, я снова прихожу к убеждению, что в основе его лежит самое, пожалуй, нетипичное для современных политиков качество – высокая нравственность. Все твердят, что политика – грязное дело, и тем оправдывают любые отступления от норм морали, ставшие сегодня обыденными. Тем удивительнее столкнуться с человеком, это качество в себе сохранившим.

Владислав Ардзинба оказался неожиданно скромным и деликатным человеком. Признался, что в союзном парламенте каждый раз, выходя к микрофону, преодолевал в себе природную стеснительность. «Но поскольку это было важно для дела, я шел и говорил». Представьте себе: за три года, что он руководит Абхазией, он собственным жильем не обзавелся. Кроме старого отцовского дома в селе Эшеры, где он родился вскоре после победы, в мае 1945 года, и был назван славянским

именем, – дома, в котором он вырос, у него здесь ничего нет. Работая директором Абхазского ИЯЛИ, он так и жил в Эшерах, у родителей и каждый день ездил на работу в Сухуми.

Эшеры подверглись большим разрушениям, много людей погибло там, и неизвестно, уцелел ли дом, из которого он успел забрать в Гудауту своих стариков-родителей. А вот школа, в которой его отец, Григорий Ардзинба, инвалид первой группы, получивший в 43-м тяжелое ранение в боях под Харьковом, проработал учителем истории и директором 40 лет, школа эта полностью разрушена.

Он, по-моему, начисто лишен амбиций, и политическая карьера как таковая не стала для него целью жизни, напротив, он мечтательно говорит о том времени, когда сможет вернуться к своей научной работе, к книгам, и становится понятно, что нынешнюю свою миссию он рассматривает ни больше ни меньше как исполнение своего патриотического долга перед Родиной. Так уходят на войну, чтобы победить врага и вернуться к обычной жизни. Сегодня «враг» Абхазии даже не Грузия, а тот всеобщий разлад и хаос, которые наступили в межнациональных отношениях на просторах бывшего Союза. Отменены законы, нарушены все моральные обязательства, разорваны связи, отброшены традиции. Спасайся кто может! И каждый народ спасается в одиночку, пытаясь строить свою собственную государственность как залог для выживания на этом изломе истории.

Именно в эти годы народ призвал Ардзинбу на роль национального лидера Абхазии, зная его наиболее основательную подготовку в вопросах государства и права (сказалась работа в союзном парламенте), угадав в нем того честного и порядочного человека, который не заведет свой народ в пропасть, не подтолкнет к оголтелому национализму, но и не опозорит трусостью, предательством.

Интеллигентный и деликатный Ардзинба, когда пробил час, сумел быть жестким и твердым во всем, что касается защиты интересов народа.

Но пора сказать и о других, не менее важных факторах, сыгравших свою роль в развязывании грузино-абхазского конфликта. Речь идет прежде всего о российской политике на Кавказе. Политика эта с самого начала конфликта была неясной и двусмысленной. Создавалось даже впечатление, что российское руководство боится чем-то «обидеть Грузию и лично Шеварднадзе», поскольку при всех сначала вялых, потом, правда, все более активных попытках урегулирования никогда не было отчетливо заявлено о вине грузинской стороны в развязывании этой войны, будто нам, в России все равно, кто там прав, а кто виноват,

и единственное, что мы можем сделать для враждующих сторон, – это выступить посредником в их замирении.

А между тем для всех очевидно, что нынешнее руководство Грузии ориентируется вовсе не на Россию, а на Запад. По словам Шеварднадзе, «отныне в судьбе Грузии решающую роль будут играть Германия, США и Англия». Об этом же свидетельствуют его бесконечные упования на войска ООН. Россия же нужна Грузии лишь постольку, поскольку полное пренебрежение ею может затруднить ее экономическое выживание.

Абхазия, напротив, на протяжении многих лет стремилась к воссоединению с Россией, ибо грузины и абхазы – это два разных народа, последние этнически примыкают к северо-кавказской семье – адыгам, абазинцам, черкесам, кабардинцам. Она и сегодня прямо заявляет о своем желании войти в состав РФ или хотя бы перейти под патронат России, но официальные российские власти так и не дали никакого внятного ответа на эту просьбу.

Зато как всегда безошибочной оказалась реакция народов России, прежде всего Северного Кавказа. В те дни августа 1992 года, когда президент еще отмалчивался на своей сочинской даче, по всему Северному Кавказу прокатилась мощная волна поддержки Абхазии и осуждения действий Грузии. Отряды добровольцев один за другим переходили Кавказский хребет и спешили на помощь абхазским братьям. Тысячи представителей из российских республик – Адыгеи, Кабарды, Чечни, Северной Осетии – встали в этой войне на сторону Абхазии. Историкам еще предстоит исследовать и изучит этот феномен. В том, что Абхазия устояла, заслуга горских народов России неоспоримо велика.

Мало того, русские области юга России – Дон, Кубань, Ставрополье – все это время оказывали гуманитарную помощь. Присылали ее даже Татарстан и Башкортостан. (Интересно, что в Москве в отделе древнего Востока Института востоковедения, где много лет проработал Ардзинба, собирали для Абхазии посылки с одеждой и продуктами). Этот поразительный опять-таки с позиции нравственности человеческий порыв – прямой укор облеченным властью политикам, чьи действия в очередной раз не совпали с настроениями собственного народа.

В эти дни из Абхазии уходят, разоружаясь, отряды добровольцев, возвращаются по домам. В заброшенном, пустующем пансионате «Гудаута» я встретила уже частично расформированный отряд – особую донскую казачью сотню атамана Юрия Блинова, в которой оказались

не только ростовчане. Сам атаман из Волгодонска, есть в ней даже москвичи.

История трех девушек поразила меня особо. В брюках-«афганках» и тельняшках-безрукавках, загорелые и обветренные, подошли они к нам, сели на скамейку, закурили. У Ани Марченко это третья война. Сама она из Тирасполя. Когда начались боевые действия в Приднестровье, никто из ее семьи не смог – по возрасту и здоровью – идти воевать, поэтому, объясняет, пошла она. Была санитаркой, разведчицей, «вообще приходилось делать все, как любому бойцу». Когда в Приднестровье немного улеглось, она с отрядом донских казаков, в который ее приняли, подалась на другую войну – в Карабах, была там пять месяцев, а в июле этого года пришла с казачьим десантом в Абхазию. У нее три контузии и три ранения – два осколочных и одно пулевое. А всего-то ей 20 лет.

Вместе с Аней воюет ее двоюродная сестра Ульяна Смирнова из Ленинграда, 23 года – так она представилась. А третья, Марина Пилиева, совсем ребенок, 16 лет. Родители где-то в Башкирии, когда началась война, она жила с бабушкой в Гаграх. «Сначала мы просто сидели и ждали, что будет. Потом я не выдержала и пошла туда, где был фронт».

Я рассказала Ардзинбе об этой встрече, он как-то напрягся, глаза его еще больше потемнели, и мне показалось даже, что в них блеснуло что-то.

Руководство Абхазии, испытывая неимоверные трудности, конечно, не может сегодня, сейчас по достоинству воздать каждому, кто пришел к ним на помощь в этот трудный час. Но когда-нибудь это обязательно произойдет. «Мы обязательно доживем и напишем в нашей истории об этом» – говорит Ардзинба. А нужно собрать ребятам хоть какую-то одежду, чтобы было в чем ехать домой, выделить хотя бы по 10 тысяч рублей на дорогу, а больше денег нет. Вопреки слухам добровольцы не получали на этой войне «зарплату».

– За что же вы воевали?

– Как за что? За справедливость, – говорят казаки.

…Ардзинба много курит, часто поглядывает на часы. С утра он встречался с Сергеем Шойгу, председателем трехсторонней комиссии по урегулированию абхазо-грузинского конфликта. Сейчас от работы этой комиссии зависит, кончится ли действительно эта война или нет. На днях комиссия перебазируется из Сочи в Сухуми, откуда вести контроль за разведением войск будет намного легче. Впервые за многие

месяцы ее работы появилась надежда, что огонь больше никогда не возобновится.

Будущее Абхазии после войны Ардзинба представляет так: провести референдум и определить, где и с кем хочет быть народ. Но сам он видит свою республику независимой, имеющей договорные отношения и прозрачную границу с Россией.

У него хорошие соратники. Зампред Верховного Совета Сократ Джинджолия («этот человек – открытие для нас»), второй зампред – Альберт Тополян, председатель Совмина Важа Зарандия, министр обороны Султан Сосналиев, председатель комиссии по правам человека и межнациональным отношениям Юрий Воронов.

Я не ожидала, что окружение Ардзинбы так интернационально: здесь и русский, и армянин, и кабардинец и даже… грузин, что на первый взгляд труднообъяснимо, но если вдуматься, подтверждает уже не раз высказанную в этой статье мысль: абхазское руководство ведет справедливую борьбу и честную политику, в отличие от грузинского руководства, с которым по этой причине не хотят иметь ничего общего порядочные люди этой национальности.

Когда мы въезжали в Гудауту, я прочла на бетонных плитах, перегородивших дорогу, надпись: «Родина зовет!» Выезжая из города, мы увидели с обратной стороны еще одну надпись: «Подумай, что ты сделал для победы?»

Владислав Ардзинба, которого Абхазия призвала к себе в трудный час, сделал для ее победы все, что мог!

Светлана Шипунова.

Газета «Советская Россия»,
23 августа 1993 года.

ВЛАДИСЛАВ АРДЗИНБА ОБМАНУЛ ВСЕХ НАС,

заявляет заместитель министра иностранных дел Борис Пастухов

В редакцию «Известий» по каналам факсимильной связи поступило обращение в адрес руководства Республики Грузия, подписанное представителями России в Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии С. Шойгу, В. Шуйковым и Б. Пастуховым. В нем говорится:

28 сентября из зоны абхазско-грузинского конфликта поступило сообщение о том, что при не выясненных до конца обстоятельствах был убит попавший в плен к абхазам председатель грузинской части Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии Жиули Калистратович Шартава.

Известие об этой трагической гибели, ставшей частью варварского кровопролития в Сухуми, глубокой болью отозвалось в сердцах тех, кто знал Ж. К. Шартаву и работал с ним в составе Объединенной комиссии.

Убийцы Ж.К. Шартавы должны предстать перед законом, как и те, кто вновь развязал войну 16 сентября, говорится в конце документа.

Один из подписавших этот документ – заместитель министра иностранных дел России Борис Пастухов – в телефонной беседе с корреспондентом «Известий» сообщил, что Объединенной комиссии с большим трудом удалось добиться, чтобы абхазы выдали тело Шартавы. Представитель комиссии находится сейчас в Гудауте, где следит за ходом расследования гибели председателя Совета министров Республики Абхазия в составе Грузии, которое поручено заместителю генерального прокурора Абхазии.

По словам российского дипломата, все версии, представленные на сегодняшний день абхазской стороной, неубедительны. «То говорят, что Шартава погиб при взятии Сухуми, то вдруг утверждают, что его убили в перестрелке на посту около Гудауты, куда якобы везли пленного премьера, то пеняют на неосторожность поведения охранников Шартавы, пытавшихся якобы применить оружие против абхазского конвоя, – сказал Борис Пастухов. – Спрашивается, неужели телохра-

нителей не обыскали, когда взяли в плен. Все это абсолютно лишено логики»

– После пятидесяти дней перемирия, после того, как люди стали возвращаться в Сухуми, Ардзинба обманул нас, – продолжил дипломат.

Он рассказал, что узнал о начале боев вокруг Сухуми в восемь утра 16 сентября и тут же позвонил в Гудауту, где помощники абхазского лидера стали убеждать его: стрельба возникла в районе Очамчиры из-за недисциплинированности некоего полевого командира.

– Через несколько часов я и Шуйков прибыли в Гудауту и встретились с Ардзинбой. Тот вдруг стал говорить о начавшемся исходе мирного населения из осажденного Ткварчели. «При чем здесь население?! – воскликнул я. – У него нет танков и артиллерии!» Мы стали убеждать Ардзинбу – Верховного главнокомандующего абхазскими силами – отдать приказ о прекращении наступления, но так и не сумели добиться от него определенного ответа. Я работал в Афганистане и могу твердо сказать: последовавший после 16 сентября сухумский кошмар не уступит трагедии Кабула.

Создается впечатление, заявил заместитель министра, что для абхазского руководства Сухуми – это не город, где остались в основном беззащитные старики, женщины и дети, а абстрактная территория, на которой разыгрываются военно-стратегические комбинации.

– Вина за срыв сочинских соглашений целиком лежит на абхазской стороне. С этой точки зрения российского правительства я, как свидетель событий, абсолютно согласен, – сказал в заключение Борис Пастухов.

Константин Эггерт.

Газета «Известия», 1993 год.

АРДЗИНБА ПРОТИВ ПОЯВЛЕНИЯ МИРОТВОРЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

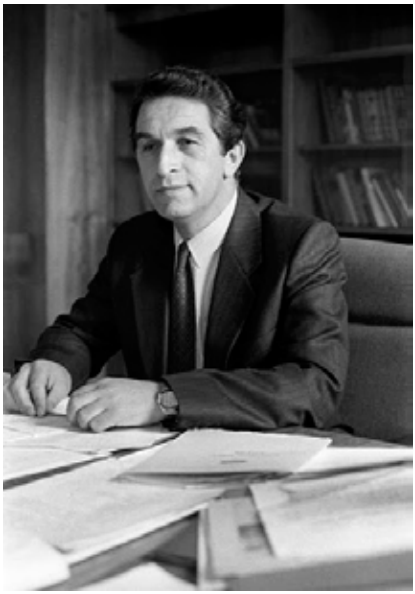
Он будет расценивать ввод международных сил как «попытку оккупации»

Владислав Ардзинба воспользовался предоставленным грузинским парламентом поводом, чтобы заявить о прекращении политических переговоров между Грузией и Абхазией, до тех пор, пока не будет отменено решение о роспуске абхазского парламента и возбуждении против его депутатов уголовных дел. Несмотря на то что спор, казалось бы, формально-юридический и обращен к ситуации, предшествовавшей началу вооруженного конфликта, постановление ВС Грузии действительно прервало и без того противоречивый диалог, ведшийся до сих пор между представителями двух конфликтующих сторон.

Некоторые наблюдатели и в Грузии склонны думать, что парламент несвоевременно взялся обсуждать исторический и правовой контекст конфликта. Более того, его решение было единогласным, тогда как в других ситуациях большинство депутатов традиционно придерживаются «генеральной линии» Эдуарда Шеварднадзе. Глава государства, вернувшись из зарубежной поездки, был вынужден высказать сожаление по этому поводу. Но Владислав Ардзинба ему не поверил. Он заявил во время своей пресс-конференций в Москве, что на последнем, третьем раунде грузино-абхазских переговоров, проходивших в Женеве и Нью-Йорке, обсуждалось четырехстороннее соглашение о возвращении беженцев и перемещенных лиц, а также о воссоздании государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией. Наиболее сложным, по его мнению, был вопрос о беженцах: Абхазия хотела бы сохранить за собой право определять, кто из них имеет право возвращаться домой, а кто, как участник боевых действий, останется «невъездным» (грузинские представители возражают на это, что грузинское население Абхазии использовало свое право на самооборону, и дискриминационные намерения абхазских властей есть попытка воспрепятствовать возвращению грузин). Тем не менее, по словам Ардзинба, «шел поиск взаимоприемлемых форм соглашения, прерванный 10 марта решением грузинского парламента».

По сути, сенсационной стала и его реакция на другой результат поездки Эдуарда Шеварднадзе в Соединенные Штаты – предложение

ввести в регион конфликта, а именно на всю территорию Абхазии миротворческие силы под эгидой международных организаций. На это Ардзинба заявил: «Существует единственный документ, в котором мы подтвердили свое согласие на присутствие миротворческих сил между Грузией и Абхазией, – это коммюнике, подписанное под эгидой ООН, при участии СБСЕ и российских наблюдателей. На ввод войск на всю территорию Абхазии мы согласия не давали, тогда как именно в этом состояла цель визита Шеварднадзе – использовать международные силы для возвращения беженцев и охраны мест их проживания, то есть с их помощью решить те проблемы, которые прежде решали грузинские войска». Впоследствии, по мнению председателя абхазского парламента, это может привести к «упразднению органов власти Абхазии и созданию вместо них некоего временного органа управления», что, видимо, даст возможность грузинским властям оправдать ввод войск в Абхазию.

Расчет на то, что абхазский лидер попытается использовать ту нервную реакцию, которую в российских политических кругах вызвала попытка Шеварднадзе расширить число участников процесса урегулирования в Абхазии (грузинский посол в Москве Валериан Адвадзе даже был вынужден заявить, что «поездка в Москве была воспринята неправильно – как попытка вбить клин между Россией и Соединенными Штатами, тогда как здесь знали о ее целях, и никакого расхождения из-за этого не возникло. Фактически это был визит за политической поддержкой и попытка договориться о финансировании миротворческих акций»). Ардзинба безапелляционно заявил, что «Запад крайне заинтересован в том, чтобы войска, фактически представляющие страны НАТО, встали у границ России по реке Псоу и во всей Абхазии. Инициатива Шеварднадзе состоит в том, чтобы создать прецедент для использования таких войск во всех горячих точках на территории бывшего СССР, базовую модель для разрешения конфликтов». Абхазия была согласна только на размещение миротворцев на шести

позициях вдоль реки Ингури – границы с Грузией, тогда как Тбилиси эту границу, как и дислокацию войск, определяет по Псоу. Грузинские представители считают, что абхазский лидер противится введению миротворческих сил под эгидой мирового сообщества и не идет ни на какие компромиссы на переговорах, так как уже объявил о независимости своей страны и его не интересуют другие варианты государственных отношений, даже конфедерация. А несогласный с таким решением Шеварднадзе в СБ ООН призывал мир обуздать «агрессивный сепаратизм, ведущий к мировой войне».

И в отличие от грузинского лидера, довольного итогами своей поездки, Ардзинба, также побывавший в Нью-Йорке, признал, что представители госдепартамента США вели с ним жесткие переговоры и даже запугивали, что объяснил воздействием на них Шеварднадзе. Более того, «все доклады ООН о ситуации в зоне конфликта составлялись с подачи грузинской стороны и носят односторонний характер. Была искажена и наша позиция – мы никогда не давали согласия на размещение войск вдоль российской границы». Ардзинба заявил, что если «Совет Безопасности под давлением Грузии примет решение о вводе войск на всю территорию Абхазии и если не будет учтено мнение обеих сторон, то, как мы заявили членам СБ, абхазские власти воспримут это как попытку оккупации со всеми вытекающими отсюда последствиями… Мы уже пригласили наблюдателей от Конфедерации народов Кавказа занять позиции вдоль границы с Грузией, и, если войска все же войдут к нам, мы призовем и силы, которые в качестве нейтральных встанут вдоль границы». Фактически лидер Абхазии пригрозил большой войной, в которой примет участие и население Северного Кавказа.

Лиана Минасян.

«Независимая газета»,
16 марта 1994 года.

АБХАЗСКИЙ ТУПИК

В Москве возобновился очередной раунд грузино-абхазских переговоров при посредничестве России. Позиции сторон не изменились ни на йоту – грузинская сторона предлагает абхазам статус субъекта федеративной республики Грузия. По этому проекту Абхазия будет иметь больше прав, чем, скажем, Аджария или будущая (!) «Южная Осетия» – несравненно больше, чем Имеретия или Кахетия, но она все равно будет в составе Грузии неотделимой частью (хоть и федеративной). Для Ардзинба это предложение категорически неприемлемо, для него вообще неприемлемо ассоциирование с Грузией, но он учитывает реальность, поэтому предлагает Грузии конфедерацию.

По «абхазскому проекту» Грузия и Абхазия заключают так называемый «союзный договор» и создают союзное государство, которое (по примеру бывшей Чехословакии) состоит из двух равных субъектов – Грузии и Абхазии. Это «единое государство» (название которого дополнительно нужно рассматривать) будет иметь на паритетных началах состоящие «союзные органы», которые конституционным путем будут принимать решения по некоторым вопросам.

Конечно, Ардзинба не согласился бы и на это, но международное право категорически требует от него признания территориальной целостности Грузии. Ардзинба прекрасно знает и то, что, если «грузино-абхазское союзное государство» действительно создастся, этим Грузия признает «равносубъектность» Абхазии, конфедерация же рано или поздно, несомненно, распадется, подобно Чехословакии, которая распалась на два независимых, суверенных государства.

Именно этим объясняется то обстоятельство, что абхазы не требуют признания независимости сегодня же и выступают с претензией на конфедеративные отношения с Грузией. Они прекрасно знают – политика есть искусство возможного; сегодня надо требовать только то, что возможно. Того же, чего действительно хочешь и желаешь, можно требовать завтра.

В то же время, если руководство Грузии не примет эти предложения, реально мало что изменится, только лишь зафиксируется то положение, которое существует в данное время, то есть реальная фактическая независимость Абхазии от Грузии.

Не раз сказано, что фактическая реальность постоянно стремится к юридической легитимизации – или то, что существует фактически

(несмотря на правовую незаконность возникновения этого факта), в конце концов становится юридически законным.

США на протяжении долгого времени не признавали Советский Союз, так и арабский мир много лет не признавал Израиль, но в конце концов они были вынуждены признать реальность, так как юридическое игнорирование реальности влечет за собой в последующем дискредитацию самого права и справедливости.

И так для Грузии предложения абхазов неприемлемы, в то же время примирение с существующей реальностью значит признание этой реальности, в противном случае Грузия вынуждена и обязана принять действенные меры по изменению этой реальности.

Эдуард Шеварднадзе не раз заявлял: если проблема не решится мирными средствами, тогда Грузия будет вынуждена применить силу для решения проблемы. Но Шеварднадзе, действительно, не хочет подобного разрешения проблемы – не потому, что не желает кровопролития, а из-за возможных результатов. Нет никакой гарантии, что новая «абхазская кампания» не закончится так же, как в 1993 году, или с еще худшими результатами. Владислав Ардзинба не раз заявлял: «Если Грузия еще раз попытается силой покорить Абхазию, тогда абхазская армия на Ингури уже не остановится».

Россия же, по отношению к которой вся наша политика в последнее время строится на «компромиссах», этот вариант предпочтет скорее всего в отношениях с Грузией, вместо очередного компромисса. В конце концов, в чем заключаются интересы России в Грузии?

Кремль просто желает не допустить превращения Грузии в плацдарм «чуждого» геополитического влияния. Для него, конечно, лучше этой цели достигнуть не возвращением Абхазии в Грузию (чего требует Шеварднадзе), а провоцированием новой войны в Абхазии, переправлением «абхазской армии» через Ингури и поражением Грузии, для препятствия планам строительства нефтепровода. Все это совсем не невозможно – т.н. «карабахские вооруженные силы» заняли чуть ли не половину территории Азербайджана, но международное сообщество особого протеста не высказало.

Если Грузия потребует вывода российских миротворческих сил из зоны конфликта, для того чтобы (в надежде на нейтралитет России) попытаться вернуть Абхазию силой, Россия поступит именно следующим образом: объявит мнимый нейтралитет, в действительности же всеми способами поможет Ардзинба в поражении Грузии. Чечня тут не при чем – русские идеологи со всей легкостью бессовестно объявят, что «установление конституционного порядка в Чечне совсем другое

дело, война же между Грузией и Абхазией совсем другое». Именно поэтому президент Грузии не доверяет России и правильно поступает; мы уверены, Ельцин, Черномырдин и Грачев не один раз конфиденциально говорили Шеварднадзе – т.к. Абхазия не идет на компромисс, потребуйте вывода наших миротворческих сил, мы выведем войска, а дальше ваше дело. Но это подталкивание (повторяем) в действительности лукавство – Ельцину совесть не помешает затем «расправить плечи» и сказать, «что делать, мои дорогие грузины, с вами, я очень хотел вам помочь, но «реакционные силы» не дали этой возможности, вы же видите, они и со мной не считаются. Если бы у Ельцина не было оппозиции, он сам ее придумал бы, т.к. существование оппозиционных сил внутри страны дает ему возможность более широкого маневрирования во внешней политике.

Исходя из вышесказанного, Эдуард Шеварднадзе при обсуждении этой проблемы с Россией так ставит вопрос: если вы (Россия) искренне желаете нам помочь, сначала восстановите юрисдикцию Грузии в Гальском районе, верните туда грузинских беженцев, грузинскую администрацию, для этого миротворческие силы расположите не на реке Ингур, а на реке Галидзга. Именно об этом договорились в Тбилиси Виктор Черномырдин и Эдуард Шеварднадзе. Но Премьер России надеялся, что этот план он претворит с согласия Ардзинба. Он даже сказал: «Я найду такие слова, которые нужны для убеждения Владис-

лава Ардзинба». Но, видно, таких слов в природе не существует. Ардзинба, конечно же, резко отозвался о плане Черномырдина и Шеварднадзе и стал угрожать руководству России: если она осмелится изменить функции миротворцев в Гальском районе, абхазы окажут сопротивление войскам России и объявят их агрессорами – Россия, так же как и в Чечне, получит новый очаг партизанского сопротивления. В Грузии, почему-то, бытует мнение, что Ардзинба покорен России и беспрекословно выполняет и будет выполнять все распоряжения, полученные из Кремля, но этот стереотип ошибочен в корне.

В действительности, горские народы Кавказа (среди них абхазы) намного меньше боятся России, чем мы, грузины. Поэтому, если Россия поможет Грузии, абхазы так же начнут войну против русских войск, как и чеченцы, тогда руководство России окажется в очень трудном положении. Не говоря уже о Зюгановых, Затулиных, Бабуриных, которые поднимут страшный переполох, даже те политические круги, которые в отношении Грузии более или менее лояльны и не поддерживают сепаратистов (или во всяком случае стоят на нейтральной позиции), никак не поймут: почему должна воевать Россия вместо Грузии. И даже если восстановление территориальной целостности Грузии – дело справедливое, почему ради этого должны гибнуть русские солдаты? Разве крови, пролитой в Чечне, недостаточно для России?

Кроме того, резкий протест выразят и военные наблюдатели ООН, которых совсем не беспокоит вопрос восстановления территориальной целостности Грузии. Они знают только, что в мае 1994 года подписано двустороннее соглашение «О миротворческой операции в зоне конфликта» и изменение функций миротворческих сил будет нарушением соглашения – потому (как бы парадоксально это не выглядело), в этом случае, ООН будет союзником абхазов. Со стороны России любые силовые решения против Абхазии вызовут огромное возмущение в западной части Северного Кавказа, где проживают родственные абхазам адыгейские народы. На фоне войны, бушующей в Чечне, это совсем не устраивает Ельцина и его команду. А что касается «блокады» и таким способом заставить Ардзинба пойти на уступки, тоже представляется нереальным, потому что абхазы и их сторонники в Турции сделают все, для того чтобы ославить Россию во всем мире как «душителя малого народа». Между прочим, блокада абхазских портов морским флотом России во всем мире вызвала достаточно отрицательную реакцию – пресса наводнена жалобными статьями, в которых описано, как страдают от голода абхазские дети и как морские пограничники

России препятствуют добрым меценатам ввозить медикаменты для этих детей в Абхазию.

Итак, хотим или нет мы это признать, проблема со всех сторон оказалась в тупике: Грузия не может требовать вывода миротворческих сил и не может пойти на решение этой проблемы силой, потому что нет никакой гарантии в том, что Россия вновь не подведет и не всадит нож в спину. А сама Россия, даже при желании возвратить Абхазию Грузии (ценой подписания с Грузией стратегического соглашения) – этого сделать не может в силу политических причин внутреннего и внешнего характера.

«Заторможение проблемы» или оставление всего без изменений не устраивает Грузию, потому что, как мы сказали выше, чем дольше фигурирует Абхазия, как фактически независимое государство, тем больше растет юридическая легитимность; кроме того, через 3–4 года беженцы и не захотят возвращаться в Абхазию.

Так где же выход?

По нашему глубокому убеждению, единственный выход это прямые переговоры с абхазами. Единственный козырь Грузии, ее последняя надежда это то, что Ардзинба и его команда совсем не желают видеть Абхазию в составе России (это отличает Абхазию от Приднестровья и Крыма). Может кому-то трудно поверить, но Ардзинба, действительно, хочет сделать Абхазию совершенно независимым государством. Грузинская общественность должна понять, в конце концов, что Грузия не сможет одновременно сохранить независимость и полную территориальную целостность.

Леван Абашидзе.

Газета «Мсгепси»,
№13 29.11 – 1.12.1995 года

«НЕ СОЧТИ СЕБЯ НЕБОЖИТЕЛЕМ, А РАВНЫМ СРЕДИ РАВНЫХ»

Шесть часов беседы с Владиславом Ардзинба

Неожиданно свернув с серого, мокрого от дождя шоссе, машина взмыла по крутому серпантину, и мы оказались в густозаросшем старинном парке, карабкающемся по склону горы к невидимой снизу усадьбе. В ранних осенних сумерках возле клумбы мелькнул израненный автоматной очередью бюст основателя сада крупного русского ботаника Смецкого. Видимо, грузины полагали, что он был абхаз.

Дача Смецкого, оформленная в последствии в интерьерах сталинской эпохи, многие десятилетия служила гостевой резиденцией визитеров самого высокого ранга. К таковым, видимо, причисляли себя и гвардейцы карательного корпуса, устроив в период оккупации на даче свой штаб. Последние дни перед освобождением Сухума здесь провел лелеявший напрасные надежды Эдуард Бомбосбросович. Когда наступил полный крах, и к даче прорвался абхазский штурмовой отряд, выручило Шеварднадзе чудо, явившееся за ним в облике российского вертолета. Ставилась ли задача пленения? «Да кому он нужен?!» – брезгливо поморщился Ардзинба. Однако молчаливый начальник охраны на сей раз поправил своего шефа: «Если бы удалось захватить, у Шеви были бы проблемы…»

В Абхазии я не впервые.

В разные годы (эпохи?) видел здесь и цветущий, благоухающий рай, где на изумительных пляжах отдыхало и влюблялось пол-Союза, видел и горе, вобравшее в себя смерть, разруху и нищету. Абхазская трагедия, равно как и имя Владислава Ардзинба, стоящего во главе маленького, но гордого народа, стали известны всему миру. Не так давно я сопровождал финансового директора «Правды» Теодора Янникоса в поездке по Абхазии, и Ардзинба уделили нам 6 часов своего драгоценного времени. Обсуждались в основном подробности инвестиционных проектов, которые я здесь опускаю, сохранив лишь свои впечатления об абхазском лидере, отрывки наших разговоров, проясняющие ситуацию в республике в эти переломные месяцы. Спустя несколько дней после нашего отъезда была провозглашена независимость Абхазии и избран ее первый президент.

Что я знал об Ардзинба до того? Что скоро ему исполнится пятьдесят, что он видный ученый-хеттолог, что в его портфеле лежит неопубликованный пока труд «Дипломатия в хеттском государстве», что 25 лет жизни прошли в Институте востоковедения в Москве, где и сейчас остались его жена и дочь-студентка МГУ, где в первом союзном парламенте он приобрел широкую популярность как политик. Пожилой абхазский министр энергетики Ш. Джинджолия, с которым я ездил на Ингур-ГЭС, сообщил мне, что Ардзинба обожает юмор (и после его шуток депутаты помирают от хохота), прекрасно исполняет кавказские танцы, поет, незаменимый человек в застолье (в чем я сам убедился). «Бывало к инструктору обкома идешь и дрожишь как осиновый лист, – вспоминает Джинджолия, – а Ардзинба в обращении прост, держится непринужденно, на резолюциях и поручениях всегда по-старомодному пишет слово «товарищу».

Раньше я с Ардзинба общался однажды, но подробно. Его принципиальное интервью «Правде» воспроизведено в прошлом номере газеты «Абхазия». Еще тогда я обратил внимание, что Ардзинба не свойственна модная ныне привычка окружать себя плотным кольцом телохранителей. В его приемной никто не бряцает оружием, не заставляет проходить сквозь рамку с электромагнитным полем и не роется в вещах, как это со мной многократно случалось перед встречами с некоторыми другими президентами. Ардзинба рассказал мне, что живет в доме у родителей в селе Эшера вместе с племянниками – сыновья трагически погибшего брата. Отец Ардзинба, инвалид Великой Отечественной I группы, воевал под Харьковом в кавалерии. Вряд ли герой минувших сражений мог представить, что на склоне лет его ждет война другая, не менее страшная. Гумистинский фронт проходил как раз через Эшеры, и в какой-то момент родной дом президента находился в руках грузин. «Мы здесь в Абхазии все, и старое поколение, и молодое – антифашисты», – не без сарказма добавил Владислав Григорьевич. Среди своих наставников, оказавших наибольшее влияние на его личность, Ардзинба особо выделяет профессора Вячеслава Всеволодовича Иванова. Именно Иванов познакомил молодого Ардзинба с академиком Сахаровым, и эта короткая встреча оставила в памяти будущего президента неизгладимые воспоминания.

Более неоднозначно отношение Ардзинба к классику советской и абхазской литературы Фазилю Искандеру. Тщательно подбирая слова Ардзинба сказал мне буквально следующее: «У нас в республике Фазиля Искандера знают в каждом доме. В своих произведениях он создал потрясающий образ Абхазии. Писатель Искандер – выдающийся.

К сожалению, человек он не столь выдающийся. Столько раз выступив в защиту разных народов, он за все время войны ни разу не возвысил голос в защиту родной Абхазии».

И вот новая встреча.

…Распахивается дверь кабинета, и нам навстречу поднимается атлетического сложения мужчина с загорелым лицом южанина. Ардзинба сильно напоминает итальянца, сам – сгусток энергии, взгляд открытый, пронзительный, одет с безупречным вкусом, хотя и несколько по-домашнему: в джемпере, без пиджака, без галстука. Говорит быстро, но не торопливо, на вопросы отвечает почти не задумываясь. Врасплох его не застанешь, чувствуется все выстрадано, передумано бессонными ночами. Мы поражаемся масштабам разрушений. «Я думал, что Сухума не будет», – вспоминает он о решающей операции по взятию столицы…

Президент подписывает последний на сегодняшний день документ. Я не удержался и подсмотрел, что за бумага. Оказалось, прошение о закупе обмундирования и инвентаря для абхазской армии. Потом я узнал, что все серьезные траты из госказны производятся с ведома Ардзинба.

Как раз накануне по «Останкино» показали фильм Отара Иоселиани «Грузия – одна», и Ардзинба не скрывал своего изумления. «Как можно так лгать?! – потрясенно воскликнул он. – Сбитый вертолет, где были наши дети, представляют как грузинский, трупы абхазов выдают за трупы грузин!» По поводу начавшихся в тот день переговоров в Женеве Ардзинба сказал, что не ожидает мгновенных решений и понимает, что диалог будет сложным. Однако обе стороны должны его вести в духе декларации от 4 апреля. Ардзинба неприятно удивлен последними заявлениями из Тбилиси, что, мол, решать проблемы можно только по возвращении всех грузинских беженцев. Между тем бандформирования по-прежнему хозяйничают в Кодорском ущелье, террористы из-за Ингура беспрепятственно проникают и в Гальский район. «Мы не будем безропотно смотреть на это, – предостерег Ардзинба. – Благоразумие должно исходить не только из Сухума и Москвы, но и из Тбилиси».

Меня давно волновал вопрос, почему грузино-абхазские переговоры идут не в Москве, что было бы более естественно, а в Женеве? Станислав Лакоба, правая рука Ардзинба, рассказывает: «Конечно получается не очень дешево, если учесть, что за авиаперелет абхазской делегации до Женевы и обратно мы платим сами. Но это не наш выбор. Мы ведем переговоры там, где нам предложила ООН… Вы наверняка

помните, что в начале войны командарм Каркарашвили, ныне «повышающий квалификацию» в академии генштаба РФ, обещал положить 100 тысяч грузин ради истребления 97 тысяч абхазов. Не вышло. Эдуард Амвросиевич, можно сказать, за один час похоронил десятилетия усилий Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Павловича. Я имею в виду демографическую агрессию.

Когда нас убивали, все молчали (кроме, разве, газеты «Правда»). ООН включилась как только Грузия стала терпеть неудачи. Шеварднадзе очень рассчитывал с помощью Запада уломать Абхазию дипломатически. Но по мере продвижения переговоров отношение ООН к нам стало меняться в лучшую сторону. Бутрос Гали сказал нам в Нью-Йорке, что позиция Абхазии ему не кажется жестокой. Да, повторял про «территориальную целостность», но ни словом о том, что она должна соблюдаться в масштабах бывшей Грузинской ССР… Тогда у Шеварднадзе возникла идея перенести переговоры в Москву и добиться своего за счет давления России. Недавно, будучи у нас в Новом Афоне, он и говорит: «Вот, Лакоба нравится пить пиво и кофе в Швейцарии…» Я ему в ответ: «Вы, Эдуард Амвросиевич лучше бы про себя рассказали – где вы пили и что вы ели!» Даже Грачев не выдержал и рассмеялся.

Под декларацией от 4 апреля, между прочим, стоит и подпись замминистра иностранных дел России Пастухова. Когда Грачев прочитал содержание, вспылил: «А мы Пастухова снимем!» Допустим. Но что это меняет? Как будто после снятия с должности документ теряет силу?!

Странно поступает Россия, продолжает Станислав Лакоба. Боится заявить, что в пяти километрах от границы у нее есть национальные интересы. Договор Ельцина – Шеварднадзе не ратифицирован, а под него уже идут поставки оружия, зерна, продовольствия. А что нам устроили по Псоу? На таможне вымогательства, оскорбления. Один раз помучаешься, больше ехать не захочешь. Господин Козырев заявляет – мы сделаем так, что Абхазия сама запросится назад в Грузию. Ну-ну, посмотрим… Американский флот бороздит все Черное море, в Тбилиси планировалась конференция НАТО, а чуть мы принимаем иностранное судно, так сразу в Москве лезут в бутылку: у вас антироссийская позиция.

Миротворцы искусственно возбуждают ненависть к себе. Генерал Кондратьев нашкодил и уехал, а после блокады Гудауты к военным отношение уже другое. Каждый абхаз осознал, что русские могут ударить нам в спину. Посмотрите, в разделительную зону вдоль Ингура бронетехники введено больше, чем при советском вторжении

в Афганистан. На том берегу стоят с плакатами: «Дорогие русские братья, верните нас в Абхазию!» А ведь еще недавно проклинали Россию как империю. Знаете, я не любитель цитировать Джабу Иоселиани, но сейчас не могу удержаться. «Демократия, – говорит Джаба, – это вам не лобио кушать!»

К страстному монологу Лакоба президент добавил, что в целом он оценивает деятельность миротворческих сил положительно. Но борьба с бандитами могла бы вестись более решительно. С уважением отозвался Ардзинба о командующем миротворцами Василии Якушеве, уклонившемся от участия в грязной авантюре генерала Кондратьева. Ардзинба лишь посетовал, что Якушев не предупредил его своевременно о готовящейся акции, и руководители республики узнали о ней, только получив оперативные данные о выдвижении российских походных госпиталей к границе.

Военкоматы в Абхазии работают круглосуточно. Два, от силы три часа достаточно для мобилизации в случае ЧП. Как в то сентябрьское утро, когда российские бронемашины оказались в прицеле абхазских гранатометов и миротворчество могло окончиться хуже чем конфузом. Проверять абхазов на прочность не надо, уж что-что, а воевать они научились. Ардзинба бережно достал из сейфа только что отчеканенные образцы – орден «Герой Абхазии» и орден Леона.

Потом мы направились на дачу Смецкого. Наш издатель обратил внимание, что Ардзинба, видимо, равнодушен к роскоши: служебная машина президента куда проще чем у министра его правительства. Отобедали мы в маленькой уютной столовой, где по преданию когда-то сиживали Сталин и Берия. Стол был накрыт как подобает президентскому рангу, но без всяких излишеств и уж никак не пир во время чумы. Не было ничего такого, что бы я не пробовал в гостеприимных абхазских домах в разных уголках республики. Ардзинба руководил как заправский тамада. Тосты он произносил в невероятном темпе, каждые три минуты, отпивая, однако, всякий раз лишь по маленькому глоточку, как японцы пьют сакэ. Для каждого из присутствующих Ардзинба нашел подходящие слова, но особенно нежные адресовал двум девушкам, которые обслуживали застолье, и в их лице – всем героическим женщинам Абхазии. Наш издатель был ошеломлен, услышав, что обращаясь к нему, Ардзинба произнес тираду на древнегреческом языке. Ел Ардзинба очень мало, отдавая предпочтение сыру, рыбе барабульке и свекольному салату. К фруктам и сладкому он вообще не притронулся.

Разговор зашел о сентябрьском рауте в Новом Афоне. Приезд туда Шеварднадзе вызвал у абхазов двойственное чувство. «Как он посмел после того, что произошло?» возмущались одни. «Он приехал на поклон», – полагают другие. Я не мог не спросить Ардзинба, каково ему было пожать руку грузинскому гостю. «Первым ко мне подошел Грачев, его я обнял. За ним Шеварднадзе. Чувствую, хочет броситься мне в объятия. Тогда я повернулся в пол-оборота и так сбоку подал ему руку… Естественно, о чем успел подумать – как хорошо, что не было телевидения».

Внезапно помрачнев, Ардзинба сказал, что по его ощущениям, у российских лидеров начинается новый медовый месяц с Шеварднадзе. С особым неудовольствием Ардзинба прошелся по адресу министра со Смоленской площади, который просто подскакивает, когда слышит в телефонной трубке из Тбилиси голос своего бывшего начальника по МИДу. «Чего они все так дрожат? – поражается Ардзинба, – Только здесь, в маленькой Абхазии, никто не боится этого бандита Шеварднадзе!»

(В скобках замечу, что не умаляя зловещей роли «танководца» Шеварднадзе, абхазские руководители осторожно намекают, что сегодня он – далеко не самая опасная фигура в Тбилиси. В отличие от тех, кто ничего не понял и ничему не научился, белый лис Кавказа извлек кое-какие уроки из поражения. И ныне уже не твердит, что Абхазию нужно вернуть силой. А вот другие «ястребы», окажись они вдруг у власти в Грузии, могут решиться на безумие).

То, что в российском обществе и армии отношение к Шеварднадзе откровенно презрительное – общеизвестная истина. Однако это мало что значит. «Народ? – нахмурился Ардзинба, – Народ в таких случаях никто не спрашивает…» Тогда я не нашелся, что возразить, но сейчас хотел бы внести важное уточнение.

Прежде мне казалось, что в правительстве России сидят сплошь недалекие люди, спаянные незримым масонским знаком – присягой на верность Шеварднадзе. Однако пример министра юстиции Ю. Калмыкова, сразу же по выходе в отставку сказавшего, что правительственное заявление по Абхазии – ошибка, ибо шестимиллионная Грузия начинала войну с явной целью геноцида абхазов, наводит на мысль: сторонники Абхазии в российской администрации есть, и тайно сочувствуя, они молчат до поры, опасаясь гнева хозяина Кремля. Наивно, конечно, полагать, что Ельцин – антиабхаз. Просто он крайне зависим от Клинтона. А тот в свою очередь, не свободен от чувства долга перед Шеварднадзе, ликвидатором великой державы, «славно»

потрудившимся ради военно-политического господства США на планете.

Ну а что же общественность? Она то не связана политическими векселями?

В Европе, а тем паче в Америке, приверженность простоватым абстракциям вроде «территориальной целостности» зачастую объясняется недостатком информации. Мир, знающий о Грузии только по «Витязю в тигровой шкуре» и беспечно забывший, кто куда вторгался 14 августа 1992 года, не так-то легко убедить, что маскхалат и гранатомет – вовсе не эмблема абхазского духа, а среди беженцев, топчущихся на той стороне Ингура, довольно много мрачных типов с черными злыми глазами, твердящих о близкой мести.

Но время просвещает самые ленивые умы. Грузию, освободившуюся от турецкого владычества, тоже признали не сразу. А сегодня человека, изрекающего нечто про «греческий сепаратизм», сочтут сумасшедшим.

Едва ли не самым запутанным и в то же время наиболее спекулятивным остается вопрос о религиозных верованиях абхазов. Подтекст ясен. Уж коль часть повстанцев уходила в бой с именем Аллаха, то может ли с наступлением мира и гражданское общество подпасть под влияние ислама? Тем паче на фоне возвращения потомков махаджиров?

По мнению Ардзинба, подозревать в этом страну, где нет ни одной мечети и ни одного муллы, нелепо. Две трети абхазов, по оценке Ардзинба, исповедуют христианство, одна треть – ислам. Впрочем, пасху празднуют все без исключения. В первооснове же своей, утверждает Ардзинба, все местные жители тяготеют к языческим культам, и ни одного абхаза, к примеру, не заставишь ложно присягать на горе Дыдрыпш. Сам Владислав Григорьевич, как он признался мне, происходит из мусульманской семьи. Но правоверным мусульманином никогда не был, в Мекку хадж не совершал и даже регулярный намаз не творил. Когда возникли проблемы с расположением православных священников (что делается лишь с согласия Илии II) Ардзинба лично обратился в Московскую патриархию с тем, чтобы двое юношей из Абхазии были приняты в семинарию Сергиева Посада. Сегодня в республике наряду со множеством церквей есть и католический костел, и синагога. «Ну что же, дошла очередь до мечети, откроем обязательно», – улыбается Ардзинба.

Игорь Ленский.

Газета «Абхазия» № 1, 1995 год.

ЕГО ПРИХОД К ВЛАСТИ, ДУМАЮ, БЫЛ ПРЕДРЕШЕН СУДЬБОЙ

50 лет в понятии абхаза – это вступление в зрелый возраст: мужнина благородный и великодушный, сдержанный и мудрый, в ответе за свои нравы и поступки, источник силы семьи, с развитым интеллектом· и молодой телом и душой. Словом в нем все, что кроется в слове АПСУАРА. Владиславу Григорьевичу Ардзинба, Президенту Республики Абхазия, доктору исторических наук, академику АМАН, все это близко и знакомо.

Мне очень трудно было отважиться на эту маленькую статью рядом с теми яркими страницами о его деятельности, которые в эти дни появятся в печати. Но мне хотелось, чтобы и мое видение о нем, как шепот его родной земли и радость неба, слилось в поток всех остальных размышлений.

Научный престиж Владислава Григорьевича Ардзинба в области хеттологии и кавказоведения, чрезвычайно высок.

Его перу принадлежат такие известные работы, как «Ритуалы и мифы древней Анатолии», «Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков», «К истории культа железа и кузнечного ремесла», «Хеттская дипломатия» и многие другие.

Каждая его работа поражает глубиной и широтой поставленных в ней задач, заложенных идей, богатством и обилием собранных данных, при этом корректно вторгаясь в застывший мир привычных догм и устаревших научных понятий. В них масштабность знаний автора, добросовестность и достоверность. В текстах книги «Ритуалы и мифы древней Анатолии» – нравы, чувства, быт, мифы, мысли, жизнь, – словом, все то, что отличает людей одного далекого времени от людей другого. Описывая хеттские ритуалы как основной источник информации о хаттско-хеттском и хаттско-палайском взаимодействии, начавшемся задолго до образования древнехеттского государства, автор вскрывает, с одной стороны, сильное хаттское влияние на материальную и духовную культуру хеттов и палайцев, а с другой, связывает их с духовной и материальной культурой народов Западного Кавказа, т.е. с абхазо-адыгами.

Значительную часть царских праздников возводит к местной анатолийской традиции, считает их заимствованными у хеттов и некото-

рых их соседей. Как известно, традиции прочно и надолго закрепляют за тем или иным этносом определенные культурные признаки, тогда тем острее и глубже ощущается их неотъемлемость от этнокультуры и этножизни. Широкий сравнительно сопоставимый анализ позволил Владиславу Григорьевичу установить многие генетические и типологические сходные черты с мифологическими системами народов Северного Кавказа. Эти данные существенны для исследования этнокультурных контактов и взаимообогащения, приведших к различным формам ассимиляции, внесших важный вклад в развитие культуры древнего Востока и всей мировой цивилизации. Они создают общий своеобразный синтез языковых и культурных ценностей. Благодаря таким исследованиям в кавказской семье языков в данное время ярко высвечиваются две лингвистические группы: абхазо-адыго-хаттская и нахско-дагестано-хурритская, в то же время сближая хаттов и хурритов внутри самих языков.

Продолжая традиции своего учителя, крупного ученого-востоковеда В.В. Иванова в области хеттологии, В.Г. Ардзинба, глубоко изучив все письменные источники о становлении металлургии железа у хаттов и абхазо-адыгов, обосновывая общие древние истоки, выделяет одну важную особенность, проявляющуюся в эпических нартских текстах и культах, – представление о железе как о небесном металле (начиная от зачатия, рождения и закалки), очень схожую с хатто-хеттскими текстами. Это тесно сближает абхазо-адыгскую традицию кузнечного ремесла с хаттско-хеттской смешанной традицией. Материалы, зафиксированные в письменных памятниках, позволяют автору использование сравнительно-исторического и историко-типологического методов анализа для реконструкции общей материальной и духовной культуры хаттов и абхазо-адыгов. Это объясняется тем, что здесь протекали самые неожиданные этнические процессы. Выводы, сделанные В. Г. Ардзинба, убеждают нас в справедливости пророческих слов выдающегося кавказоведа XIX века П. К Услара. Объясняя следы присутствия в древние времена на Кавказе некоторых европейских этнических элементов, он писал, что горское народонаселение умножалось за счет притока новых этнических стихий… Новые пришельцы, вступая в ущелье сурового Кавказа, как бы отрекались от своего прошлого. На Кавказе искали они лишь свободы, взамен чего подчинялись строгому уставу горской жизни и сливались с горцами. «Всякого без разбору Кавказ принимал в свое, но, раз приняв, не выпускал более никого, не заботясь о прошлом пришельца, будущее его единожды выковывал в неизвестную форму ... Удастся ли на самом Кавказе крепко соединить эти разнородные концы, ссучив их в непрерывные нити, посредством которых связав Европу с Азией? Европа возмужавшая, обогатившая-

ся, сторицею выплатит Азии то, что заняла у нее несколько тысяч лет тому назад». Подобными историческими причинами объясняет П. К. Услар следы присутствия в древние времена на Кавказе некоторых европейских этнических элементов. Изучение древней истории Старого света приводит автора к мысли об Азии как общей колыбели, «из которой началось расселение исторических народов». Следует отметить также, что еще не до конца нами прочувствованы, распознаны и реализованы новые исторические и лингвистические данные, содержащиеся в научных концепциях Владислава Григорьевича. Однако отсутствие среди абхазо-адыгов специалистов по древним языкам и письменности является фактором, сдерживающим во многом еще не прочитанные страницы древней нашей истории. Будем надеяться, что настанет день, когда все эти тайны раскроются и в продолжающихся работах юбиляра и грядущего молодого поколения.

Отсюда следует, что жизнь благосклонна к нему во всех отношениях – любимая работа, великолепная семья и научное признание. Но в нелегкое для Абхазии время судьба возвращает В. Ардзинба на Родину. Здесь он нужен, как нигде. На плечи ученого легла большая организационная работа – создание научного центра современного уровня, а затем руководство государственной и политической жизнью республики. В каждом поколении рождаются такие и несут свой тяжелый крест. На таких и покоятся обломки нашей древней цивилизации. Окунувшемуся в факты безобразий, творимых в области национальной политики в Абхазии со стороны Грузии, руководство Абхазии, лишенное всяких политических и законодательных прав, во главе с его лидером – Председателем Верховного Совета В. Г. Ардзинба предприняло шаги, направленные на достижение независимости и установление равноправных государственных отношений с Грузией. Как раз это не устраивало фашистские имперские силы Грузии во главе с Шеварднадзе. И совершился акт вероломного нападения Грузии на суверенную республику Абхазия.

Исходя из некоторых логических построений событий из жизни В. Ардзинба и моей веры во Всевышнюю силу, думаю, что его приход к власти был предрешен судьбой нашего народа. Представьте себе, что в это время во главе Абхазии оказался бы бывший партийный функционер. Кстати, эти партократы в свое время участвовали в грузинизации нашей земли. К счастью, скорее всего по велению Всевышнего, во главе Абхазии уже стоял Ардзинба – историк, знающий, что значит гибель государства, народа, исчезновение нации. Сколько бессонных ночей провел он над хаттскими памятниками! Сколько у него печали, боли за гибель хаттской цивилизации! А теперь он со своим народом у порога этой гибели. Неужели это новый трагический виток в истории

его предков?! Понимая в полной мере внешнюю силу государства и внутреннюю силу родной земли, его нравственные чувства сливаются в единое целое с чаяниями народа как единое цельное историческое явление. Гармония между талантами ученого и политика чувствуется во всех его начинаниях. Война есть война. Она высвечивает любого руководителя государства как с одной, так и с другой стороны.

Весь мир увидел, кто есть кто. В. Ардзинба – это личность, утверждающая достоинство бескорыстного служения людям, несущая непреходящие духовные ценности своего народа в цивилизованный современный мир. Добро и зло… Понятия вечные и неразделимые. И пока живы дух и сознание человека, они будут бороться друг с другом, добро будет «открываться» человеку, освещая ему путь в царство истины и справедливости. И эта истина открылась Владиславу, и он шагнул навстречу своему многострадальному народу, чтобы спасти родную землю, родной очаг. Сегодня и младенцу ясно, что значит советское вооружение. Им уничтожаются ни в чем не виновные, а виновники этой военной авантюры (типа Шеварднадзе) вместо военного трибунала «красуются» с окровавленной рукой на телеэкранах и авторитетных международных трибуналах. Но они предстанут перед судом. Это неминуемо, но поздновато. С первых дней войны Абхазия имела поддержку Конгресса и Хасэ кабардинского народа. Я навсегда запомнила в те тяжелые дни и выступление по телевидению Председателя Парламента КБР Нахушева З. А. после возвращения из военной зоны: его удручающий вид, смятение в глазах, безысходность широкомасштабной войны, спасение детей и женщин, и много, много несказанного… Ведь Абхазия была окружена со всех сторон варварами. Так мог чувствовать только тот, кому в дом пришла война.

И это в то время имело большое значение. Человек государственной власти высказал свое мнение и объяснил народу положение его лидера. Я кланяюсь ему за этот мужественный шаг. А мы, россияне из Абхазии, стояли там, на той стороне реки Псоу, проливая слезы за со всех сторон окруженную Абхазию. Там вся наша жизнь – Родина, родители, дети-воины, братья-воины, сестры-воины, друзья-воины, могилы наших предков, весь наш дух, все наше существование. Единственная надежда он, Владислав, со своей волей организации защиты от оккупантов. Ты уже окружен, а настоящую армию начинаешь создавать. Что он чувствовал в это время, я не могу себе представить. Авторитет лидера и вера в него – один из главных факторов победы. Нам известно, властолюбие иссушает человека капля за каплей, совесть отнимает, разрушает внутренний мир. Он мельчает. Лишь считанные единицы, как Ардзинба, это испытание преодолевают. Прежде всего у Владислава сконцентрировался весь дух нашего народа, на-

ших предков. Как обходилась ему каждая ошибка, порой допущенная даже другими! Война с фашистской Грузией показала его человеком цельным, ясным и мудрым, не сгибающимся ни перед чем и ни перед кем, целеустремленным до самоотверженности, честным, принципиальным, сдержанным, а если необходимо – быть даже жертвой. В нем всегда остается нечто иррациональное, не поддающееся объяснению. Обладая высокой свободой души, строгий и мужественный Ардзинба выдержал свой трудный крест. И настал победный час. По-моему, и сверхъестественные силы участвовали в этой войне особым образом – через воздействие на людей и посредством их общего духовного взаимодействия. Я думаю, что при освобождении столицы Абхазии Сухума участвовали все: и те, кто уже погиб за освобождение своей столицы, и те, кто с оружием в руках очищал Сухум. Впереди витал дух погибших братьев и сестер. В таких случаях, кроме победы, другого конца не могло быть.

Честь и справедливость нашего лидера чувствовали не только взрослые, но, прежде всего, дети. В самые ожесточенные дни войны я оказалась свидетелем в троллейбусе, как маленький детсадовский ребенок рассказывал своему отцу (который только что забрал его из садика) о том, что они сегодня играли в войну, а он был Ардзинба… и всех победил. И у маленького краснощекого малыша глаза сверкали, а я, истерзанная горем, не могла удержаться – с надеждой обняла крепыша-героя.

Во время. войны, как известно, на прессу смотрят с особой надеждой. И сегодня возвращаюсь с недоумением к одной и той же мысли: не нашлось ни одного человека среди грузинской интеллигенции – ученых и творческих деятелей, чьи пухлые диссертации и романы писались на материале языка, истории, культуры, архитектуры древней Абхазии, отважившихся осудить фашистскую оккупационную войну, наоборот, они призывали молодежь (как это делали Амираджиби, Кикабидзе и Лорткипанидзе… разве их всех перечислишь) освободить Абхазию от абхазов, которые «спустились с гор 200 лет тому назад». Это о народе, с которым столько веков проживали бок о бок, порой сливаясь с ним и образуя единое государство. А где эти «друзья» Абхазии, перед которыми безропотно многие наши ученые стояли на коленях? Сила и слава любого народа в его сплоченности, в единении. Ардзинба со своим народом смог уберечь славу и гордость народа. Духовное единение народов может привести к территориальному объединению, но вряд ли принужденная территориальная целостность приведет когда-нибудь кого-нибудь к духовному единству и взаимопониманию разных народов. Почему ради «нерушимости границ», проведенных палачом Сталиным, сегодня должен исчезнуть

с лица земли один из древнейших народов Кавказа – абхазы? Кто скажет, когда же сталинские принципы решения национального вопроса получат сокрушительный удар? Как легко, должно быть, живется людям в верхних эшелонах власти без убеждений…

Ощущение опасности на Кавказе присутствует. Ожидание нового взрыва, катастрофы, обстрела, контрудара, гибели, унижения, непонимания не проходит. Я уверена, будущее многонационального Кавказа – это Мир и Согласие. Кавказцы – традиционно миролюбивый народ. На этой земле всегда царили дружба и преданность.

Любому кавказцу, думаю, очень хорошо известно, что только родная земля формирует историю и культуру, настоящее и будущее его народа. И с потерей земли родной, родного языка народ исчезает с лица земли. Каждый маленький народ является частью мировой цивилизации и культуры. Эта гармония есть мост между Вселенной и земной нашей цивилизацией. Я мечтаю ·о том, чтобы в жизни Абхазии настал тот счастливый день, когда ее Президент Владислав Ардзинба выполнял бы лишь только конституционные обязанности Президента самого цивилизованного государства. Разумеется, в это время и хеттология займет часть его времени. Хочу завершить свою небольшую статью о Владиславе Ардзинба словами нашего Баграта Шинкуба:

Горит очаг, и пламя вьется,
Подбросить дров не проворонь,
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.
Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков.

Мира, независимости и процветания Абхазии! И тогда Президент В. Г. Ардзинба почувствует в полной мере счастье.

Зинаида Габуния,
профессор Кабардино-Балкарского
государственного университета.

Г. Нальчик.
Газета «Кавказские новости» №5, май 1995 г.

АРДЗИНБА НА МУШКЕ. МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

За несколько дней до падения Сухума на одного отставного полковника ВС России вышел один из представителей грузинской диаспоры в Москве. Интерес к бывшему офицеру был во многом обусловлен его незавидным финансовым положением. По словам «заказчика», некими лицами из представительства Грузии готовится операция, целью которой была ликвидация президента Ардзинба.

Ставка делалась на террористический акт. Сразу же было достигнуто соглашение об оплате труда – по 10 миллионов рублей каждому участнику операции. По плану в столицу Грузии должна была прибыть группа из 15 человек – солдаты и офицеры спецназа, имеющие реальный боевой опыт. Там наемники получали оружие и снаряжение, после чего отправлялись на учебную базу в Гори для пристрелки «стволов» и детальной проработки плана теракта.

Договоренность была достигнута, и началось формирование группы. В нее вошли минер-подрывник, два снайпера, гранатометчики, техник-водитель и стрелки. Был разработан план отхода. Все участники прекрасно понимали, что в живых останутся немногие – трое-пятеро от силы. Тем не менее за время, проведенное в «горячих точках», они привыкли рисковать за деньги, которые по тем временам казались им немалыми.

Окончательный план выглядел следующим образом. Полностью экипированная террористическая группа должна была переправиться в Сухум, находившийся к тому моменту в руках абхазских сепаратистов. За Владиславом Ардзинба регулярно велось наблюдение, и руководители операции по его устранению знали, что глава самонареченной и никем не признанной республики частенько посещает город в составе кортежа из трех-четырех машин или же пешком, в сопровождении охраны. Кстати сказать, телохранители Ардзинба были из того же спецназа из сотрудников спецслужб бывшего СССР.

Боевики должны были выдвинуться на огневые позиции на маршруте следования президента Ардзинба. Если тот будет находиться в автомашине, то один из гранатометчиков должен будет подбить ее, а другой – машину сопровождения. Уцелевшая охрана попадет под шквальный огонь стрелков. Снайперы и пулеметчик должны будут прикрыть отход оставшихся.

Если же президент будет совершать пешую прогулку, то два снайпера должны «работать» по нему, а оставшиеся – по охране. После этого оставшиеся в живых боевики должны были рассредоточиться и по два-три человека пробираться на север, в сторону Сочи. В установленной точке (ее должны были определить в самый последний момент) участники операции встречались и оттуда вылетали в Москву. Там же уцелевшие получали свой гонорар. Доля погибших передавалась их семьям.

План этот при точной и детальной проработке мог бы дать желаемый результат.

«Заказчика» не устраивало в этой ситуации лишь одно: отход группы на территорию России. Было предложено отойти в Грузию. Там, мол, деньги получите, и как героев, встретят. Это самое обстоятельство насторожило боевиков. Они сразу же заподозрили, что вместо обещанной славы «героев» их ждут пули. Тогда «заказчик» предложил иной вариант. Вместе с первой группой в Сухум отправится вторая для поддержки и страховки на случай провала. Это тоже не устраивало исполнителей – вторая группа вполне могла за деньги расстрелять их после исполнения теракта, и на месте происшествия они были бы опознаны как сотрудники российских спецслужб.

Окончательным ответом было «нет». Впрочем, без работы полковник со товарищи не остался. В 1992 году прейскурант для «горячих точек» был следующий: 150 тысяч рублей на человека в операции по захвату стратегически важной высоты, 50-100 тысяч – за уничтожение танка или БТР. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Абхазии, лишись она лидера. Хотя гадание на кофейной гуще – дело неблагодарное.

«Московский комсомолец»,
11 января 1996 года.

ПОКИНЬ, ВОЙНА, КРАЙ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ!

Едва ли в мире сыщется другая страна, которая так зависит от своих курортов, как Абхазия. Узкая полоска цветущей земли между морем и безлюдными горами, «край вечной весны посередине лета», по выражению Ф. Искандера, опустел после небывало жестокой войны.

Курортный бум, случившийся этим летом, можно объяснить поразному. Здесь и находчивость гостеприимных хозяев, несмотря ни на что сумевших сделать границу прозрачной. И человеческое, вопреки циркулярам, отношение русских пограничников. И подспудная работа весьма ответственных должностных лиц, которых и назвать-то поименно нельзя, чтобы кропотливый их труд не пошел насмарку. Но результат тут налицо – на побережье Абхазии отдохнуло около 40 тысяч россиян, что в 15 раз больше, чем в прошлом сезоне. В лучшем абхазском санатории «Самшитовая роща» все лето жили семьи сотрудников Федеральной службы охраны, что, конечно, было бы невозможно, если бы репутация Абхазии вызывала сомнения. Впервые после войны на своих здравницах Абхазия заработала один миллион долларов.

Много это или мало? Для неотложных нужд по восстановлению экономики, запуску производственной сферы Абхазии, по предварительным расчетам, необходимо 50 миллионов долларов. При условии снятия блокады этих стартовых денег должно хватить для главного – перехода к самообеспечению. Конечно, получить столь значительную по здешним меркам сумму можно лишь в кредит. Такие переговоры проведены абхазскими финансистами в ряде западных государств. И были достигнуты любопытные результаты. Швейцарские «Швисс Кредит Банк» и «УВС-Банк», правительство Канады готовы открыть Абхазии кредитную линию, причем деньги будут предоставляться на безвозвратной основе. От Абхазии требуется лишь одно – подписать договор с Грузией, получить международно признанный статус. Иначе нельзя, в отсутствие статуса престиж кредиторов может сильно пострадать.

Более смелым оказался частный капитал. Весной в Германии с успехом прошел благотворительный фестиваль «Мир и будущее для Абхазии», а уже летом под патронажем инициатора акции немецкого журналиста Ойгена Краммига в Абхазию прибыл автокараван со вся-

кой всячиной: от консервов, сахара и масла до приборов для запуска мыльных пузырей. Это не единственный случай. Порой даже кажется, что от желающих послать в Абхазию гуманитарную помощь нет отбоя, но только все они не из России. Ну а западным предпринимателем, как известно, никогда не движет филантропия. Дело в другом. В скором времени в Абхазии начнется приватизация народно-хозяйственных объектов, и тот инвестор, который поспеет первым, получит большие преимущества. В том, что затраты окупятся миллиардами прибыли завтрашнего дня, никто не сомневается.

Кроме гостиниц и пансионатов, большую ценность представляют собой питьевые воды и минеральные источники Абхазии. На Всероссийской выставке питьевых вод в 1912 году здешняя вода заняла одно из первых мест. Она так хороша, что ее многие десятилетия разливали в бутылки и вывозили в разные страны как «прекрасно освежающий столовый напиток, улучшающий обмен веществ и выводящий из организма вредные элементы». Минеральная вода «Ауадхара» по своему химическому составу сродни французской воде «Виши», немецким источникам Эмса, грузинскому «Боржоми». И вот сегодня, пока новоявленное российское купечество раскачивается, проворные немцы лазают по ущельям и потирают руки, предвкушая доход от продажи целебных вод в своих супермаркетах. Осуществлению планов мешает все та же неопределенность статуса Абхазии, без которого, по мнению премьера Геннадия Гагулия, серьезный бизнес, увы, невозможен.

Судя по многим признакам договор между Абхазией и Грузией, вокруг которого шло столько словопрений, видимо, будет подписан осенью. Владиславу Ардзинба и днем и ночью названивают московские министерские чины, «сливки» посольского клуба, уговаривая не артачиться и суля всяческие перспективы. Абхазскому лидеру все сложнее держать круговую оборону в дипломатических окопах.

За внешностью решительного и уверенного в своих действиях политика скрывается мятущийся и раздираемый объективными противоречиями человек. Теснимый с обоих бортов корабль борющейся Абхазии снялся с якоря, не может выбрать верный фарватер, пытается двигаться в трех разных направлениях и от этого кружится на месте, рискуя в непогоду потерять равновесие. Широковещательно заявляя о праве Абхазии строить свое самостоятельное государство, Ардзинба в то же время напоминает о желательности воссоединения с Россией и ведет кропотливую работу над постылым документом с Тбилиси. Третий путь пока наиболее реален, ибо есть обстоятельства, над которыми Ардзинба не властен.

Существуют, однако, две веские причины, могущие расстроить ооновские наработки. Во-первых, Ардзинбе имеет смысл подождать, чем разрешится коллизия между Москвой и Грозным – ясно, что в моральном и юридическом плане Абхазия вправе претендовать на более высокий статус, чем тот, который получит Чечня. Во-вторых, и это главное, инвективы посредников по интеграции Абхазии и Грузии, лояльность к которым вынужден декларировать Ардзинба, не имеют никакой опоры в абхазском обществе. А при случае могут стоить лидеру и репутации, и чести. Есть же реальные итоги войны, факт отпора агрессору. Не окажется ли цена договора бессмысленной и позорной перед памятью жертв – вот вопрос, который задает себе каждый абхаз. Среди старейшин ходит даже мнение более жесткое – тот, кто подпишет договор с Грузией, впоследствии будет проклят абхазским народом. Все это не может не смущать Ардзинба.

За три года после войны абхазский лидер обрел все зримые атрибуты президентской власти. Небольшая, но уютная резиденция в центре Сухума, комфортабельные госдачи по всему побережью, посольства в Москве и Стамбуле, парадный выезд, спецсвязь с выходом на кремлевский коммутатор, аппарат помощников и референтов, усиленная после покушения на Воронова охрана, пресс-секретарь, который бдительно следит за ходом нашей беседы, – все стало, как у других суверенов больших и малых республик бывшего СССР. За эти годы Ардзинба вырос и как государственный деятель. Парадоксально,

но именно в ходе чеченского кризиса расширились и окрепли связи Ардзинба с российской политической и военной элитой. В Москве, наконец, разглядели, что такое настоящий пещерный сепаратизм и чем он отличается от абхазского. Прошедший европейские университеты интеллектуал с докторской степенью, по части эрудиции и навыков управления Ардзинба способен дать фору иным членам российского кабинета и выгодно контрастирует с жутким имиджем чеченских главарей.

Благодаря личному обаянию Ардзинба разрушилась информационная блокада вокруг Абхазии. Сегодня президент дает по нескольку интервью в неделю, а один бедолага из Мурманска, которого я встретил в приемной, томился там в ожидании аудиенции целых два дня! Нынче Ардзинба не может, как прежде, позволить себе рискованный анекдот, он стал более сух, чаще смотрит на часы, мысли излагает концептуально, обходя стороной невыигрышную фактуру, тщательно выбирает выражения и избегает личных выпадов даже в адрес тех, кто ему неприятен. Стратегия, принципы, подходы остались непреклонными, но если вчера Ардзинба мог запросто припечатать «этого бандита Шеварднадзе», то сегодня он подчеркивает, что «надо проявлять уважение к главе грузинского государства». И можно догадаться, что запас прочности у Абхазии возрос.

Не следует, конечно, думать, что Ардзинба излишне самоуверен. Поразится тот, кто хоть раз увидит его ремарки на стенограммах совещаний абхазских радикалов, – настолько они язвительны и строги. Президент искренне не хочет новой войны.

Судя по разговорам с ближайшими сотрудниками и друзьями Ардзинба, внутренне он готов и ожидает перемены к лучшему в официальной позиции России. Многие нюансы известны, только ему… Однако оптимизм Ардзинба зиждется не на пустом месте. Информированности его можно позавидовать. В сейфе Ардзинба хранятся конфиденциальная переписка российских инстанций по Абхазии, служебные материалы силовых ведомств, секретные докладные ряда министров Б. Ельцину, резолюции на них Президента России. Некоторые документы Ардзинба разрешает ксерокопировать, другие – только прочитать, третьи – показывает издали и сам выборочно цитирует. Особенно впечатляют циничные тексты Козырева, явно не предназначенные для публикации. «Откуда у вас все это?» – изумились как-то мидовские чиновники. «Не надо делать гадостей!» – парировал Ардзинба. Даже беглое ознакомление с этими бумагами наводит на мысль, что они могли быть получены только с помощью глубоко эшелонированных личных связей.

Барьером на пути признания Абхазии стоит Совет Безопасности ООН. В последней его резолюции вновь подтверждается территориальная целостность Грузии, но впервые не упоминается о праве нации на самоопределение. Между тем оба эти принципа в нашем случае можно соединить. Но по меньшей мере некорректно утверждать, что те 300 тысяч жителей, которые населяют Абхазию сейчас, не вправе решать ее судьбу, а вот те 150 тысяч, что отбыли в Грузию, как раз вправе. Удивляет и другое. Всем известно, кто совершает теракты в Гальском районе, надо быть слепым, чтобы этого не замечать. Но в ооновских докладах говорится о неких неустановленных диверсантах. Если это не предвзятость, то что это?

Основным источником получения Советом Безопасности сугубо односторонней информации является глава миссии ООН в Абхазии Ливиу Бота. В прошлом он занимался разоруженческой проблематикой, пытался примирить, правда, без успеха, враждующие стороны в Таджикистане. Пробиться к этому чопорному румыну невероятно трудно, интервью он не дает, но абхазские товарищи подстроили дело так, что мы смогли пообщаться в неделовой обстановке. И вопреки предубеждению г-н Бота произвел на меня приятное впечатление. Главный вывод, который я сделал: за годы работы в республике Бота, человек, изучающий историю и много анализирующий, подчас не решаясь сам себе в этом признаться, постепенно начинает осознавать, что Абхазия – это не просто регион, а страна. И есть многие государствообразующие признаки.

Одолеть Абхазию можно, лишь поссорив ее каким-то образом с Россией. Поэтому «уличение» абхазов в поддержке чеченских боевиков стало важным и постоянным элементом грузинской пропаганды. Официальные лица в Сухуме устали опровергать эти домыслы. Даже родился забавный анекдот: в сухумской бухте абхазские боевики загружаются в подводную лодку, затем она всплывет… в реке Сунжа в центре Грозного! А как иначе попасть из Абхазии в Чечню?

Политика России в отношении Абхазии должна стать открытой и публичной. Надо честно заявить о своих намерениях. Непристойная торговля маленьким народом за возможность где-то у черта на куличках разместить военные базы не украшает великое государство.

Не предвосхищая окончательного урегулирования надо заключить с Абхазией торговое соглашение. Конечно, мы можем обойтись без абхазских мандаринов и фломастеров, без минеральной воды и лесных орехов. Но, во-первых, надо помнить о 70 тысячах русских, ведь рабочие места создаются прежде всего для них. А во-вторых,

Абхазию надо сохранить в сфере своего влияния, что не дается само собой. Вот свежий пример. В декабре намечается пробный пуск Худзгинского месторождения в Ткварчале, где запасы составляют более 70 тысяч тонн угля. Если к этому времени ослабнет пограничный режим на Псоу, то юг России будет обеспечен углем. Если нет, то абхазский уголь будет направлен в Турцию.

По словам председателя думского комитета по СНГ Георгия Тихонова, еще не было случая, чтобы МИД в абхазском вопросе посоветовался о чем-либо. Так и не представлено на ратификацию международное соглашение о санкциях против Абхазии, блокада действует явочным порядком. Но мир не без добрых людей. Работают другие ведомства. Абхазии практически гарантировано, что она останется в рублевой зоне при любом повороте событий. Многое делается в МВД. Благодаря находчивости замминистра Владимира Колесникова жители блокированной Абхазии в одно прекрасное утро должны проснуться с российскими паспортами в кармане.

Каждый абхаз знает: где бы он ни был, его последний приют позади его дома. Эта традиция соблюдается с незапамятных времен: будучи в родовой усадьбе Хагба в Дурипше, я стоял на семейном могильнике XV века. В минувшую войну во всех абхазских селах появились свежие холмики. Был я как-то в гостях у одного старого абхаза в селе Бзыбь. После скромного застолья он повел меня в сад и показал за изгородью пустующий двор соседа-грузина. А между ними – могила погибшего сына.

Возможно ли примирение сейчас сразу?

У моего старого друга есть еще две красавицы дочери. Но отец, горячий патриот Абхазии и абхазской нации в частности, велел им выйти замуж… только за русских. «Почему, папа?» – «А вот не послушаете меня, потом будете с тортом в трауре ходить то на сороковины, та на годовщины…»

Так абхазским старикам видится будущее своего народа.

Игорь Ленский,
Спец. Корр. «Правды-5»,
13-20 сентября 1996 года.

ЖИЗНЬ... ЗА ПРЕЗИДЕНТА

Беседуя с райвоенкомом Г. П. Цвижба, обещавшим представить меня президенту Абхазской Ассоциации содействия ООН (ААС ООН) Вахтангу Хагба, я вместе с ним поднялся на центральную часть трибуны стадиона. Там дружески был встречен Г. П. Трапизоняном, который только что вернулся из республик Северного Кавказа, побывав там в составе делегации депутатов Парламента РА. Рядом с ним сидел первый вице-спикер парламента Р. З. Харабуа. В момент, когда мы обсуждали итоги их успешного дипломатического визита, как дуновение ветра, пронеслось по рядам трибуны: «Президент идет!..»

В. Г. Ардзинба, в окружении представителей исполнительной и законодательной власти, поднялся к нашим рядам, здороваясь со всеми подряд со своей обворожительной приветливой улыбкой…

Я не буду описывать ни кто с ним был, ни ход праздника. Об этом, надеюсь, подробно расскажут другие наши корреспонденты.

Но попытаюсь поделиться своими наблюдениями и впечатлениями только об одном человеке – о Президенте АПСНЫ.

Впервые я с ним непосредственно познакомился в Сухуме в 1994 году на митинге, посвященном 130-летию Кавказской войны. Этот митинг и встреча с Владиславом Григорьевичем описаны мною в репортаже «Мы с тобою, Абхазия». 12 декабря 1996 года имел с ним беседу в перерыве между заседаниями 1-й сессии вновь избранного Парламента РА, «гостем» которой я оказался благодаря Г. П. Трапизоняну. (Об этом рассказывается в 48 номере нашей газеты за 1996 год).

В третью встречу В. Г. Ардзинба поздоровался со мною за руку так же приветливо, как и со всеми передо мной, не потому, что запомнил меня: он так же бы приветствовал любого другого, кто случайно оказался бы на моем месте. В этом сказался его характер истинного апсуа – открытость, общительность, доброжелательность, отсутствие и намека на демонстрацию своего высокого положения, то есть его подлинный, а не наигранный демократизм. Этот тон, задаваемый им, характеризует всю иерархию молодой абхазской государственности: она не успела – и дай Бог, чтоб никогда не успела! – проникнуться духом чиновничьего, бюрократического чванства.

Итак, президент, спикер парламента С. Р. Джинджолия и часть других сопровождающих лиц разместились в ряду, где мы сидели с Трапизоняном. Я опустился на ряд ниже, но остался почти в двух шагах от Президента. И, конечно, все свое внимание переключил на него.

Мне и до этого все нравилось в нем. Но видел его, в основном, на телеэкране. Так близко и так долго быть рядом с ним мне еще не доводилось.

Я чувствовал, как обаяние его личности властно индуцируется на меня от всего его облика: типично абхазского орлиного профиля, одухотворенного лица, с темными кругами под глазами – следов непомерной тяжести «властителя», которую возложила на него история, на него – интеллигента до мозга костей. А главное – глаза с прямым открытым взглядом, лучистостью своей свидетельствующие об огромной внутренней энергии и за открытостью скрывающие одновременно глубокую печаль и интеллектуальную силу. Поскольку мой взгляд постепенно притягивался, как магнитом, к его глазам, и он, беседуя со своим окружением, часто смотрел на меня глаза – в глаза, не отрывая взгляда. Касалось ли это обсуждение с Харабуа и Трапизоняном их поездки на Северный Кавказ или делился он своими впечатлениями по ходу праздника.

Меня поражало то, как быстро он улавливал главную суть слов собеседника, давая мгновенно меткую оценку в кратких словах упомянутых человеку, действию, событию с экстраполяцией их последствий на будущее.

А когда начался концерт, Президент с юношеской непосредственностью выражал свои чувства под впечатлением того или иного номера, особенно при исполнении народных абхазских песен и танцев. Иногда не сдерживался и кричал, скандируя: «Мо-ло-дцы…!»

Когда я подпал полностью под очарование его личности, меня, как молния, пронзил вопрос: если бы сейчас совершилась попытка покушения на его жизнь, смог бы я вскочить, чтоб заслонить его? Ведь для этого мне нужно сделать всего лишь один шаг…

Поставив все на суд своей совести, взвесив: кто – он и кто –я, со всей ответственностью за последствия своего решения могу сказать: мой вывод был однозначным – этот один шаг я бы сделал, не колебаясь ни секунды, потому что, если бы я его не сделал, не смог бы дальше жить в согласии со своей совестью и стал бы живым трупом. А это – хуже смерти.

Узнав от Г.П. Цвижба, что В. Хагба по каким-то причинам не приехал в Гагру, к своему глубокому сожалению я вынужден был покинуть стадион в самый разгар праздника.

Дело в том, что буквально перед праздником, придя домой, я обнаружил в комнатах следы дневных «непрошенных» гостей: все белье

и одежда были выпотрошены из шифонера, принадлежности ящиков письменного стола валялись на полу, книги, рукописи, газеты и все прочее было перевернуто вверх дном. Кто-то произвел тотальный обыск моих комнат бесцеремонностью царских жандармов…

Мне ничего не жалко было, кроме похищенных личных документов.

Если бы не последнее, я бы даже проникся уважением к этим «гостям» за то, что они аккуратно через окно вошли и вышли, не нанеся никакого вреда. Единственный им упрек: почему не сделали свое дело после праздника.

Первое время я был в «шоке» и хотел даже не идти на праздник, но слово, данное райвоенкому, заставило меня покинуть все, как есть, и поспешить на стадион.

А со стадиона поспешил назад, чтобы устранить следы непрошенных «гостей» перед приходом желанных гостей: не мог же я им «портить» праздник.

Сейчас, когда пишу эти строки, оправившись от «шока» и уже не под непосредственным влиянием ауры Президента, я задаю себе тот же вопрос, что поразил меня на стадионе: смог бы я отдать свою жизнь, чтоб заслонить от пули или ножа Владислава Григорьевича?

На совершенно здравую голову себе отвечаю: смог бы. Наверное, сказывается материнское воспитание, в котором доминируют в этом плане слова Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Под друзьями своими я подразумеваю не только Президента АПСНЫ, но и всех дорогих мне людей и высшие нравственные ценности.

В. Мироненко.

Газета «Гагра» № 41,
18-25 октября 1997 года.

АРДЗИНБА НАВСЕГДА

Политический торг между Москвой и Тбилиси продолжается

Владислав Ардзинба триумфально переизбран на пост президента Абхазии. За него проголосовали 99% граждан, пришедших на выборы. Альтернативы Ардзинбе не было. Единственная непредусмотренная попытка выставиться была не засчитана – Леониду Лакербая отказали в регистрации, поскольку выдвигался он, по мнению Центризбиркома Абхазии, «с многочисленными нарушениями законодательства».

Однако было бы ошибкой считать, что очередная победа Владислава Ардзинба связана с безальтернативностью выборов. Абхазия – единственная из самопровозглашенных кавказских республик, где действительно реально высок авторитет единоличного лидера. В Южной Осетии и Нагорном Карабахе ситуация, мягко говоря, совсем иная. В Цхинвали, например, ежедневно кипит внутриполитический и криминально-финансовые страсти, в результате которых едва ли не все политики, выдвинувшиеся в годы противостояния с Грузией, или погибли, или эмигрировали. А нынешнее руководство республики не отличается ни особой харизмой, ни выдающимися политическими способностями. Нагорный Карабах же, наоборот, «поставил на экспорт» в Армению всех своих лидеров, а нынешнее руководство республики в большей степени, чем раньше, играет подчиненную по отношению к Еревану роль.

Ардзинба не допустил ни одной ошибки вроде тех, что были допущены его коллегами, например, в Цхинвале. Он никогда не участвовал в выяснении отношений между отдельными вооруженными группами (а именно такие «разборки» привели к полной гибели командования Нацгвардии Южной Осетии), все время находился в Абхазии, крайне редко выезжая в Москву и перенося вместе с народом тяготы блокады и войны (в отличие от правительства той же Южной Осетии, которое в какой-то момент фактически поселилось в Москве и Владикавказе), и сохранил моральное право претендовать на пост президента. Ему доверяют: значит, Ардзинба – это надолго.

С началом конфликта на Северном Кавказе вокруг Абхазии началась запутанная многосторонняя игра. Сперва Москва неожиданно отменила чрезвычайный режим на границе, который был введен пять лет назад по просьбе Тбилиси. Это было первой реакцией правительства Владимира Путина на информацию о поставках оружия отрядам

Басаева и Хаттаба через Грузию. Началась серия закулисных переговоров, в ходе которых Москва выбила из Тбилиси обещания закрыть грузино-чеченскую границу и «принять меры». После серии встреч в Москве главы МВД Грузии Кахи Таргамадзе с официальными лицами России карантинный режим на российско-абхазской границе вновь был введен, а Грузия даже не постеснялась провести в 14-километровой зоне безопасности военные учения, несмотря на протесты командования миротворческих сил.

Два последних по счету правительства РФ пытались склонить Владислава Ардзинбу к изменению жесткой позиции Абхазии в отношении Тбилиси, который все это время планомерно наращивает военные мускулы, опираясь на поддержку и помощь НАТО. Ардзинба согласен идти на переговоры, но требует официального подтверждения независимого статуса Абхазии, на что, конечно же, Грузия не идет. В условиях быстрого сближения Тбилиси и НАТО, причем такими темпами, что о российском влиянии в Грузии можно уже забыть. Абхазия остается единственным реальным рычагом, если уж не давления, то по крайней мене политической торговли между Москвой и Тбилиси. Политически одичавшая Южная Осетия и непредсказуемая Аджария на эту роль не годятся. А сложившаяся ситуация пока для Абхазии – едва ли не единственный шанс выжить и сохраниться. И Владислав Ардзинба остается гарантом того, что Москва все еще «торгует» Абхазией. А пока «торгует» войны не будет.

Евгений Крутиков.
Газета «Известия», 5.10. 1999 г.

ИЗБРАННЫЙ

Был такой народ – хетты. Они еще во втором тысячелетии до новой эры создали в Малой Азии свое государство. Государство, как и все в этом мире, рождается, растет и умирает. Рано или поздно. Исчезают и народы. Но остаются тексты, написанные на мертвом уже языке. А в текстах этих – мифы, ритуалы, нравы, война и мир, победы и поражения, благословения и проклятия.

Голос веков.

Беседуя с хеттами на их языке, он познакомился с Богом Грозы. Тот вел жестокую борьбу с Драконом. Потерпев вначале поражение, упомянутый Бог потом одолел Дракона с помощью других божеств.

«Бог Грозы возвратился домой и страну свою привел в порядок. Внутрь скотного двора были загнаны овцы, внутрь хлева – коровы, мать заботилась о своем сыне, так же овца – о своем ягненке, так же корова – о своем теленке».

Одной этой цитаты достаточно, чтобы уразуметь: Бог олицетворял Благо, Дракон – Зло.

Диссертация называлась «Мифы и ритуалы древней Анатолии». Это была талантливая работа. Мифы и сказания хеттов были глубоко изучены и проанализированы автором. Диссертация стала настольной книгой в хеттологии. Международный резонанс, отзывы и рецензии публиковались и в Советском Союзе, и за рубежом, маститые ученые видели в новоиспеченном докторе исторических наук человека, призванного сказать свое слово в науке, что бывает редко.

Ему было сорок лет. Он был общителен, энергичен, трудолюбив, он чувствовал себя альпинистом, готовым к штурму главной своей вершины.

Владислав Ардзинба. Заведующий сектором идеологии и культуры Древнего Востока Института Востоковедения АН СССР.

Тогда, в 1987 году, он и представить себе не мог, что древний миф о смертельной схватке Блага со Злом снова станет реальностью и круто изменит его собственную судьбу.

Он родился в селе Нижняя Эшера, что в Абхазии, спустя пять дней после окончания Великой Отечественной Войны. Его отец, участник и инвалид этой самой войны, был по профессии историк и сорок лет проработал учителем в сельской школе, вместе с женой, тоже педагогом.

Дети из таких семей идут, как правило, по стопам родителей.

Детство в абхазском селе. Это очаг предков, просторный сад, панорама снежных хребтов, скрип арбы и цокот копыт, ястреба в небе и змеи в густой траве. И древние камни. В кладке крепостной стены и на родовых могилах.

«Детство – самая светлая и радостная пора для каждого человека, и мне очень жаль, что политика – это такое дело, которое заставляет подавлять в себе детские черты, не оставляет времени для воспоминания о детстве», – скажет он однажды.

Но это будет не служитель науки Владислав Ардзинба. Совсем другой человек, уцелевший и победивший в схватке со Злом, и грустящий о себе прежнем…

Крутой поворот судьбы… Когда это началось? Наверное, в 1989 году. Он, избранный год назад директором Абхазского института языка, литературы и истории имени Дмитрия Гулиа, был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

На волне перестройки был нужен политический лидер, молодой, энергичный, талантливый и достаточно широко известный.

И выбор пал на ученого, профессора, лауреата международной Кандуровской премии и премии имени Вернадского.

Он был избран депутатом Верховного Совета СССР и более двух лет, забыв о тиши научных библиотек, о мифах и ритуалах, тянул воз политика. Он вместе с коллегами создал депутатскую группу автономных образований, одну из самых крупных и самых активных в депутатском корпусе.

Он был членом комиссии по национальной политике и членом Президиума Верховного Совета, и благодаря его стараниям возникла еще и подкомиссия по автономным образованиям, и эта команда много сделала для принятия поправок и законов, касающихся прав автономий.

Вот что говорил он, выступая на первом Съезде народных депутатов СССР:

«Официальное осуждение культа личности на XX съезде партии не повлекло за собой ликвидации «наследия сталинизма». Это «наследие» до сих пор дает о себе знать. О серьезных нарушениях в области национальной политики по отношению к абхазскому народу говорилось в коллективных и личных письмах, с которыми обращались в центральные партийные и советские органы представители различных слоев абхазского народа – интеллигенции, рабочего класса и крестьянства в 1947, 1957, 1967, 1978, 1988 годах.

На первых порах после такого рода обращений принимались некоторые меры по улучшению положения, создавшегося в автономной республике. Однако какое-то время спустя вновь наблюдался возврат к той ситуации, с жалобами на которую обращались представители абхазского народа.

Особенно осложнилась ситуация в конце 1988 года. На митингах в Тбилиси звучали призывы к ликвидации и без того урезанной абхазской автономии. Одно из неформальных обществ разработало специальную программу борьбы против абхазского народа и его культурных институтов. Примечательно, что это общество, члены которого считают себя поборниками демократии, в составленной им программе провозглашает, что «в 1936–1954 годах было прекращено господство сепаратистов и насилие апсуйцев в отношении других наций, проживающих в Абхазской АССР». Иначе говоря, с точки зрения этих «демократов», лучшими были годы, когда шло уничтожение абхазского народа. В Абхазию следовали представители «демократов», которые разжигали антиабхазские настроения среди местного грузинского населения. Им удалось уже в декабре прошлого года организовать несанкционированный митинг в г. Сухуми, шествия по городу.

Серьезно обеспокоили не только абхазцев, но и других жителей республики подготовка и обсуждение проекта государственной программы развития грузинского языка, в которой поставлен вопрос об использовании грузинского языка как единственного официального языка во всех учреждениях, об обязательном обучении ему каждого жителя республики. Это еще раз разбередило незаживающие раны, напомнило о грубых искажениях истории абхазского народа, о попранных правах абхазской автономии».

Да, так заявлял он на всю страну, к великому неудовольствию грузинских депутатов и тбилисского руководства и к радости Народного Форума Абхазии: не ошиблись в выборе и получили настоящего лидера!

Еще одна цитата:

«26 мая 1988 года в Абхазской АССР было отмечено восстановление грузинской государственности. Дело историков оценивать значимость этого события в жизни грузинского народа. Между тем в истории абхазского народа эти события связаны с государственностью, которая потопила в крови в 1918 году Абхазскую большевистскую коммуну, а впоследствии осуществляла террор в селах Абхазии. Это празднование привело абхазское и грузинское население автоном-

ной республики на грань столкновения. По поступившим и поступающим к нам многочисленным телеграммам, телефонограммам и другим сообщениям, ситуация в Абхазии по сей день остается очень тревожной. Если не принять срочные меры, может произойти непоправимое. К сожалению, ЦК КПСС и Совет Министров СССР хранят молчание, несмотря на запрос группы депутатов от Абхазской АССР, поданный 25 мая сего года. Мы настоятельно просим всех народных депутатов СССР поддержать наше предложение – создать специальную комиссию из числа народных депутатов по изучению положения дел в области межнациональных отношений в Абхазии».

Как в воду смотрел!

Но это глас вопиющего в пустыне.

В том же выступлении молодой абхазский политик упомянул имя Эдуарда Шеварднадзе, тогда министра иностранных дел СССР, процитировав слова последнего, когда он был секретарем компартии Грузии: «Прямо надо сказать, что в прошлом в известном нам периоде в отношении абхазского народа проводилась политика, которую практически следует характеризовать как шовинистическую, давайте будем называть вещи своими именами, эта политика в корне противоречила как интересам грузинского народа, так и интересам абхазского народа, интересам укрепления ленинской дружбы советских народов». (Речь идет о сталинизме).

Есть старое изречение: быстро мелькает челнок на станке жизни, и ни один ткач не знает, какую ткань он ткет!».

Этот самый Шеварднадзе, так пекущийся о «ленинской дружбе советских народов», этот хитрый лис и царь хамелеонов, спустя три года с удовольствием возьмет на себя роль Дракона, несущего смерть народу Абхазии, оставив неискушенному еще политику роль Бога Грозы, заранее обреченного на поражение. Отчего так? Ну какой это Бог – без самолетов и танков, и без поддержки такого самодержца, как Борис Ельцин!

Этот сюжет разыграется, как мы уже сказали, через три года, а пока все катилось, как снежный ком: провозглашение Грузией независимости, развал Советского Союза, уличные бои в Приднестровье и Южной Осетии…

В 1990 году Владислав Ардзинба был избран председателем Верховного Совета Абхазии.

Он потом скажет, что к такой карьере себя не готовил и сожалеет о вынужденном уходе из науки. Но тогда выбор был сделан, и если он и не

хотел пускаться в бурное море большой политики, то этого желали другие. Они сплотились вокруг него, они помогали ему и настояли на своем.

Мы часто говорим: человек – хозяин своей судьбы.

В какой-то мере – да. Но последнее слово за господом Богом. Значит, и Всевышнему было угодно, чтобы именно такой человек возглавил маленькую республику в канун тяжких испытаний ее народа.

Тем временем криминальный режим в Грузии возглавил Эдуард Шеварднадзе. Тучи сгущались. Автономная республика Абхазия практически и юридически была аннулирована новой конституцией Грузии. Из Тбилиси шли угрозы, директивы, ультиматумы…

Вот тогда ученый, ставший политиком, пожалел о развале Советского Союза. Да, многое в этом Союзе не устраивало, но это была великая страна, и в таком государстве сама идея уничтожения маленького народа не могла бы родиться.

Снявши голову, по волосам не плачут.

А к Сухуму вольготно, без помех уже катила вся драконова рать! И пришлось срочно оставлять столицу вверенной ему республики, отходя за Гумисту, в Гудауту. Здесь абхазы проживали компактно, и была какая-то гарантия безопасности.

По реке Гумисте также срочно надо было организовать рубеж обороны.

От всей и без того крохотной республики у Председателя Верховного Совета и по совместительству Председателя Государственного комитета обороны остался только Гудаутский район. И в Тбилиси, да и на всем постсоветском пространстве не сомневались в скором поражении гудаутского сидельца.

Блицкриг он и есть блицкриг.

К кому только он не обращался с призывом о помощи в эти горькие и страшные дни!

К парламентам, президентам и народам мира.

К Верховному Совету Российской Федерации.

В комитет ООН по правам человека.

К Президенту Российской Федерации Борису Ельцину.

И еще с добрый десяток адресатов.

Снова – глас вопиющего в пустыне. Никто не помог.

Вернее, помогли те, кого о помощи не просили. Простые люди с обостренным чувством справедливости и сострадания. Добровольцы с Северного Кавказа и со всех концов бывшего Советского Союза. Помогли народу Абхазии одеждой, продовольствием, оружием и личным участием в боевых действиях в составе ополченских отрядов.

Что касается таких адресатов, как Ельцин и Шеварднадзе, то они все же откликнулись на призывы Владислава Ардзинба остановить кровопролитие. Но весьма своеобразно. Устроили в Москве в «Президент-отеле» этакое политическое шоу с выкручиванием рук

Что это такое, я знаю по собственному опыту, когда-то давно мне выкручивали руки на одной московской киностудии. Но там я представлял только самого себя и свой сценарий. Частный эпизод, никакого общественного интереса.

В «Президент-отеле» выкручивали руки человеку в ранге руководителя республики, представителю народа, истекающего кровью!

Я был очевидцем этого гнусного шоу. Называлось оно «московской встречей руководителей республик кавказского региона».

Открыл заседание Борис Ельцин.

Мы не можем быть равнодушными, сказал он, когда гибнут сотни людей, и есть опасность, что этот конфликт и пожар перебросятся на территорию России. Сегодня нужно найти решение по прекращению кровопролития и за столом переговоров найти политическое решение вопроса об Абхазии. Что это будет – договор или соглашение – не наше дело. Это дело Грузии и Абхазии.

Ельцин предоставил слово Шеварднадзе. Тот подчеркнул, что тяжело вести переговоры, когда пролилась кровь, но он постарается.

Вот ведь как! Будто не он спровоцировал вводом войск в Абхазию пролитие этой самой крови!

Он постарается, но Россия должна помочь. Намек прозрачен: надавите на Ардзинба и сделайте его покладистым.

Дают слово абхазскому лидеру.

Ардзинба не ищет виновных, не критикует то, что уже совершено, сегодняшняя задача – прекращение кровопролития и восстановление мира и спокойствия в Абхазии. «Давайте приступим прямо к тексту. Есть замечания по статье?» - говорит Ельцин. Что это? За столом переговоров даже Надарейшвили, националист и лидер грузинской фракции в абхазском парламенте, в составе делегации, возглавляемой Шеварднадзе, и военный министр Китовани, и премьер Сигуа. Со стороны России – руководители всех северокавказских республик, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, а глава Абхазии – провинившийся клерк, вызванный на ковер в кабинет босса? Шеварднадзе доволен. Выкручивание рук началось.

Цель – заставить абхазского лидера подписать вот такой документ:

«Президент Российской Федерации и Председатель Государственного Совета Республики Грузия, обсудив при участии руководителей Абхазии, северокавказских республик, краев, областей Российской Федерации положение, сложившееся в Абхазии… договорились о следующем:

Статья 1. Обеспечивать территориальную целостность Республики Грузия. Все участвующие в конфликте вооруженные формирования с 12.00 часов 5.09.92 года прекращают огонь и любые применения силы друг против друга. При этом участники конфликта обязуются до вступления в силу прекращения огня воздерживаться от каких-либо наступательных действий.

Одновременно создается Комиссия по контролю и инспекции из представителей, назначаемых органами власти Грузии, в том числе Абхазии, и России. Комиссия обеспечивает соблюдение прекращения огня, выполнение других положений данного соглашения в соответствии с разработанными ею процедурами.

Для выполнения возложенных на нее задач участники Комиссии придают ей соответствующие подразделения, осуществляющие разоружение, расформирование и удаление из Абхазии, а также недопущение в Абхазию незаконных вооруженных формирований и групп с тем, чтобы обеспечить строгий контроль по всему периметру зоны конфликта.

Комиссия осуществляет наблюдение за тем, чтобы после прекращения огня и передислокации войск вооруженные силы Республики Грузия в зоне конфликта не превышали согласованного уровня, необходимого для достижения цели настоящего Соглашения (охрана железной дороги и других определенных объектов).

Рекомендации Комиссии незамедлительно рассматриваются властями всех уровней».

В документе еще 11 статей, но и этой, первой, достаточно, чтобы понять: дело, с точки зрения Шеварднадзе, сделано. Благодаря Ельцину.

Но Ардзинба подписывать такое не хочет. И выкручивание рук продолжается.

«Ельцин обращается к Шеварднадзе: – Вы подписываете?

– Да.

– И я подписываю.

Ардзинба: – Борис Николаевич, может быть, не торопиться, одну минуточку, и все же нас выслушаете? Насколько я понимаю, конфликт происходит в Абхазии. Коль скоро решается судьба Абхазии, наверное, хотя бы надо элементарно выслушать и наше мнение тоже.

Ельцин: – Вы его высказывали. И не один раз.

Ардзинба: – Борис Николаевич, в Вашем обращении к руководству Грузии и Абхазии сказано о незамедлительном выводе войск и прекращении боевых действий.

Ельцин: – Это имеется в виду в этом документе.

Ардзинба: – В данном документе этот вопрос не решается.

Ельцин: – Нет, решается. Каждый интерпретирует как хочет. … Больше дискуссий не будет. Кто не хочет подписывать, это дело лично каждого. Я просил бы дать сразу на подпись Эдуарду Амвросиевичу этот документ.

Ардзинба: – Это политика силового давления, которая ни в коей мере не учитывает интересы Абхазии…

Ардзинба: – Я бы просил, Борис Николаевич, рискуя вызвать Ваш гнев, обратить внимание на то, что в этом документе даже не ставится вопрос о конституционных органах власти, которые упразднены в результате введения войск, то есть фактически мы признаем то, что произведено в Абхазии.

Ельцин: – Нет, мы не вмешиваемся во внутренние дела. Это дело Грузии вместе с Вами.

Ардзинба: – Я думаю, политику мы, конечно, не делаем… Но все же, там осуществляется геноцид против народа… И в этих условиях вот так с нами, нас даже не выслушать и заставить нас подписать документ, ей Богу, это несправедливо. Я перед Богом это говорю, что несправедливо. Может быть, мы все же вернулись бы, Вы дали бы возможность хотя бы через полчаса это обдумать и найти форму. Я бы Вас очень просил об этом, Борис Николаевич!

Ельцин: – Я считаю, Вы не правы…

Ардзинба: – Борис Николаевич, главная цель этого документа – это не столько вывести те войска, которые введены на территорию Абхазии, а расформировать тех добровольцев, которые пришли в Абхазию помогать от геноцида. Вот что получается, из текста это совершенно четко явствует.

Ельцин: – Надарейшвили подписал. Ну что, 95 процентов подписали. Две главные подписи есть. Я поздравляю (Аплодисменты)…»

Прекратим цитировать. Все ясно. И воздадим должное молодому политику, доктору исторических наук. Он сопротивлялся до конца, один, как перст. Затем к прессингу подключился резерв Ельцина – главы северокавказских республик, обещая помощь в будущем, они просили Ардзинба подписать документ…

Кончилось это действо тем, что Ельцин дал команду разлить шампанское, и документ был подписан всеми.

А на пресс-конференции вот как объяснил свою позицию Владислав Ардзинба: «Принятый в Москве документ вызвал немало кривотолков. Надо ясно дать себе отчет, что на встрече проталкивался тот вариант, который устраивал Грузию. Руководству Абхазии попросту выкручивали руки. Почему же мы все-таки пошли на подписание договора? Если бы мы не сделали этого, нас перед всей мировой общественностью представили бы как виновников срыва переговоров, обвинили бы в том, что мы не стремимся к миру и хотим продолжения кровопролития. В этом случае были бы также перекрыты те пути получения помощи, в том числе и продовольственной, которые сейчас действуют. При принятии решения мы взвесили все существующие сейчас «за» и «против», и ответственность за принятие этого решения лежит, безусловно, на Председателе Верховного Совета Республики Абхазия».

Это мужественные слова. Политик оказался в проигрышной ситуации и из двух зол выбрал меньшее и загодя берет всю ответственность на себя. И за все, что может случиться теперь, готов ответить перед Богом и людьми.

А тем временем Эдуард Шеварднадзе, выступая по грузинскому телевидению, заявил о возможной депортации жителей Абхазии, несогласных с политикой Госсовета.

В ответ жители моего родного села Дурипш вышли на митинг с лозунгами: «Оккупация Абхазии – сговор Ельцина и Шеварднадзе», «Убийцы и мародеры, возвращайтесь к себе домой, в Грузию!»

Поскольку грузинские войска не были выведены из зоны конфликта, московское соглашение оказалось непрочным. Боевые действия вскоре возобновились. Планировалось покончить с «сепаратистами», обрушив всю военную мощь на Гудаутский район, последний оплот Ардзинба. Но вышло по-иному. Потерпев через месяц сокрушительное поражение в Гагре, войска Госсовета Грузии потеряли инициативу, позиция же Ардзинба как руководителя сопротивления окрепла. Теперь в быстрой и окончательной победе господина Шеварднадзе засомневались даже в Тбилиси, не говоря уже о команде Ельцина.

И новоиспеченный председатель Верховного Совета Грузии обратился за помощью – куда бы вы думали? – в НАТО!

Без вас-де не одолеть мне этого супостата, Владислава Ардзинба! В НАТО изучили вопрос и отказали. Посчитали слишком уж одиозным

поступком объявлять крестовый поход каким-то абхазам, живущим на крохотном клочке земли, где нет к тому же ни нефти, ни золота. В октябре 1992 года, после освобождения Гагры и выхода ополченцев к российской границе, абхазский лидер уже не сомневался в окончательной победе Блага над Злом. Как в древнем хеттском мифе.

И победа пришла через 11 месяцев, когда ополченцы, преследуя остатки армии оккупантов, увидели берег Ингура.

В 1994 году Владислав Ардзинба был избран Президентом Республики Абхазия.

Я помню ритуальный праздник в селе Ачандара. Здесь есть святыня. Одна из самых почитаемых в Абхазии. Капище Бога Грома. Дыдрипш.

Служение божеству не прекращается столетиями. Люди рода Чичба – жрецы. Звание передается по наследству. Вместе с навыком.

Дыдрипш – заколдованное, грозное место.

На вершину невысокой горы, где само капище и обитает Бог, летающий на огненной колеснице в Пицунду к другому божеству, обычно на вечерней заре, на эту вершину может подняться только жрец. Простому смертному путь заказан: среди ясного дня его остановит неожиданная гроза – с молниями, с ветром, с дождем!..

Поэтому все обряды совершаются у подножия, на поляне. К ней с проселочной, выложенной щебнем дороги ведет крутой спуск.

Я помню, как жрец вершил свой ритуал. Худощавый высокий мужчина средних лет, он стоял под вековым деревом и говорил, подняв обе руки к небу. И сотни людей, затаив дыхание, слушали его. Жрец говорил о победе, посланной Богом. Оказывается, он, жрец, был оповещен заранее, но должен был молчать до срока.

Владислава Ардзинба он назвал избранником Бога.

Жрец говорил о победе Блага над Злом.

А потом был широкий праздничный стол под открытым небом на поляне у подножия святой горы.

И были тосты.

И кто-то из уважаемых гостей провозгласил тост за ученого, ставшего лидером нации, ее вождем.

Вот сидит на почетном месте тот, сказал гость, кому вы верили и за кем вы шли. Дай Бог, чтобы вы ему верили всегда и всегда шли за ним!

…Человек не знает, что ждет его впереди.

Ну зачем заранее знать, что мирные дни окажутся гораздо тяжелее военных, что будут террор и блокада, развал экономики и обнищание народа, грабеж и разбой?

Что в таких условиях придется выходить из кризиса, добиваться международного признания, укреплять государство.

Зачем знать заранее, что ко всем этим трудностям, выпавшим на твою долю, прибавится еще и болезнь, долгая и коварная? Зачем знать заранее то, что ведомо только Богу?!

Надо идти вперед. Если ты – из сильных. Он из таких.

Он навсегда вписал свое имя в историю своей страны.

Первый Президент Республики Абхазия Владислав Ардзинба.

Юрий Лакербай.

Газета «Республика Абхазия» № 73,
5-6 июля 2003 года.

В XXI ВЕК — БЕЗ КРУПНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ?

Когда мы спросили академика Вячеслава Всеволодовича ИВАНОВА, сколько языков он знает – больше или меньше ста? – он, кажется, затруднился с точной цифрой. «Читаю на гораздо большем количестве языков, а разговариваю – на значительно меньшем», – ответил ученый. Это понятно, на многих языках, которые знает Вячеслав Всеволодович Иванов, поговорить уже не с кем. Разве что с учениками.

Несколько лет назад он вел в МГУ спецкурс по буддизму с чтением текстов на тохарском (это умерший язык Китайского Туркестана VIII века н.э.) с параллелями санскритских, тибетских и прочих книг. Он крупнейший специалист по хеттской культуре.

Реконструировал праиндоевропейский язык. Описал функции полушарий мозга.

Знания Вяч. Вс. Иванова безграничны, потому что он всегда умудрялся заниматься тем, что было в СССР под запретом: кибернетикой, семиотикой, генетикой, лингвистикой. Он был одним из немногих, кто в 50-х годах нарушил «единодушное осуждение советским народом» Бориса Пастернака, с которым, кстати, был дружен, и бескомпромиссно выступил на его защиту. Политбюро тогда принимало решение о санкциях против молодого ученого. Понятно, что все годы советской власти Вяч. Вс. Иванова бдительно «не пущали» в Академию, не понимая, что ставят этим клеймо на «советской науке». Потом его избрали депутатом первого съезда. Вяч. Вс. Иванов – уникальный ученый-энциклопедист, кроме этого он поэт, прозаик, автор интереснейших мемуаров.

Короче, с ним не соскучишься.

– Ваше отношение к современным политикам? Кто для Вас – «они»?

Среди нынешних политиков у меня есть не просто друг, а ученик. Это Владислав Ардзинба, лидер Абхазии. В свое время я массу сил потратил на его сочинения. Представьте, приезжает из Сухуми красивый молодой человек девятнадцати лет, уже член партии, окончил сухумский пединститут, что он знает? Академик Коростовцев приводит его

ко мне и говорит: «Вот, надо обучить молодого человека хеттскому языку». Хорошо. Проходит неделя, две недели, молодой человек не делает ничего. Я ему говорю: «Знаете, я не буду на вас тратить время. Если вы через неделю не выучите все знаки хеттской клинописи, а их примерно четыреста, и не изучите грамматику хеттского языка, то – все, разговоров больше не будет». За неделю он все это выучил. Оказался очень талантливым человеком, что обнаружилось из-за моего плохого характера. Потом он стал известным ученым в этой области, и действительно поразительно, насколько он продвинулся вперед. Конечно, это потеря и для науки и лично для меня, который первые его работы просто переписывал своей рукой. Но, знаете, я его понимаю.

Я бывал много раз в Абхазии. Однажды, осенью 1979 года мы оказались там вместе с моей женой и ее родителями, Львом Зиновьевичем Копелевым и Раисой Орловой. И там же был Андрей Дмитриевич Сахаров с Еленой Георгиевной Боннэр. Это было за год до высылки Сахарова в Горький.

Узнав от меня, что там Сахаров, Ардзинба испытал в первый момент некоторый шок. Тогда он был обычным сотрудником московского Института востоковедения, ну, может, членом парткома, и просто приехал к своим родителям. Представьте, у него хватило ума, чего-то еще, и он позвал нас всех на абхазскую свадьбу, доставив Сахарову массу удовольствия.

Потом он и его отец, школьный учитель, показали нам древнюю обсерваторию, нечто вроде Стоунхенджа, такое сооружение из огромных камней, с помощью которых люди уже четыре или пять тысяч лет назад наблюдали за небом. Сахаров тогда сказал: «Вы внушите, пожалуйста, здешним ученым, чтобы они поставили здесь табличку, что это памятник человеческому разуму».

Газета «Общая газета»,
3-9 апреля 1997 года, №13

ВОЖДЬ НАРОДА

Скоро уже пять лет, как я последний раз видел Владислава Ардзинба. В Нижних Эшерах хоронили его отца. Было много людей, говорили положенные слова. Владислав Григорьевич сидел на вынесенном стуле – он уже не мог обойтись без посторонней помощи. Помню, как горько меня это поразило, показалось несправедливым по отношению к нему, прежде такому энергичному, самостоятельному во всем. Той осенью в 2004 году, когда на выборах в Абхазии решалось, кому достанется наследство и бремя Владислава Ардзинба, многое казалось несправедливым, идущим вразрез с тем, как должно быть. И все-таки даже в немощи он оставался Владиславом Ардзинба – ум и желание шутить в самой тяжелой ситуации не отказали ему, как руки и ноги. Надеюсь, что так будет до самого последнего его дня, когда бы он ни наступил.

Впервые я увидел Владислава Григорьевича Ардзинба то ли зимой, то ли весной 1993 года на втором этаже рядового гудаутского дома, где работал тогда он и его помощники, которых в Грузии называли не иначе как «гудаутской кликой». Признаться, я плохо тогда представлял всю глубину грузина-абхазских противоречий, приведших к войне. Да и саму Абхазию знал мало и плохо, хотя, казалось бы, должен был знать: я же вырос по соседству, в Сочи. В том-то и дело, что в советские времена можно было жить рядом, жить вместе – и не видеть в Абхазии ничего, кроме озера Рица, Новоафонской пещеры и обезьяньего питомника в Сухуме. Трудно поверить, но после всего происшедшего нет-нет да и встречаются до сих пор люди, так и не сделавшие попытки выйти за рамки курортных представлений о Стране души и о том, что с ней случилось. Некоторые из этих людей, испортившие своим отношением много крови Владиславу Ардзинба и его народу, все еще числятся в наших высоких сферах экспертами по Кавказу.

Но все это я понял не сразу. Когда я вспоминаю себя в начале 90-х годов, то лишний раз убеждаюсь в абсолютной беспочвенности столь модной в Тбилиси теории о «руке Москвы», отторгнувшей-де у Грузии Абхазию. Мы тогда были оглушены развалом Советского Союза и втянуты в бесконечный спор Бориса Николаевича (Ельцина – здесь и далее примечание «Апсны») с Михаилом Сергеевичем (Горбачевым), а затем с Русланом Имрановичем (Хасбулатовым). России было не до Абхазии. Это, между прочим, явилось еще одной причиной, подтолкнувшей Эдуарда Шеварднадзе в 1992 г. к силовой операции против

излишне свободолюбивой автономной республики. Как и десятилетия раньше его предшественников, грузинских меньшевиков, также никак не просчитавших последствий их карательных экспедиций на абхазском направлении.

Бумеранг, который прервал в 1921 г. короткий расцвет «солнечно-радостного социализма» в отдельно взятой Грузии, назывался Одиннадцатой Красной Армией. На наших глазах на пути вернувшегося в Грузию не без нашей помощи Эдуарда Шеварднадзе и мародеров «Мхедриони» (грузинская военизированная националистическая организация) оказался один Владислав Ардзинба с поначалу немногими соратниками.

Но к тому времени, как мы знакомились, Ардзинба уже был вождем своего народа, порой с оружием в руках боровшегося за собственную свободу. Главное, что сразу производило впечатление в разговоре с ним, – его ум, убежденность и достоинство, с которыми он держится. Владислав Григорьевич глубоко знает и любит историю Абхазии и историю вообще, что мне было особенно приятно отметить как преданному истории выпускнику исторического факультета. Однажды я привез ему из Москвы выпущенный к юбилею Института востоковедения сборник наиболее важных статей, когда-либо написанных его сотрудниками, – среди них была и его ранняя работа по истории хеттов, – и понял, что не мог бы сделать ему в тот момент лучшего подарка. Любовь к истории, а точнее, к исторической правде, по всей вероятности, и выработала в Ардзинбе убежденность в правоте борьбы Абхазии за независимость. Она сказалась и в его особом отношении к разделявшим его взгляды интеллектуалам – таким как Юрий Воронов (русский археолог и кавказовед, депутат Верховного совета Абхазии (убит в 1995 году) и многим другим. При этом Ардзинба никогда не попадал в зависимость от чужого ума, каким бы выдающимся тот ни был.

Я много думал об этом, когда пытался разобраться в непростом отношении Владислава Ардзинба к писателю Фазилю Искандеру. Убежден, что для будущих поколений и Владислав Ардзинба, и Фазиль Искандер останутся самыми выдающимися абхазами в многовековой абхазской истории, начиная с царя Леона и кончая, быть может, воспетым в народе Нестором Лакоба. Каждый по-своему, Ардзинба и Искандер, открыли Абхазию для России и всего мира (если, конечно, в этом мире кроме России и диаспоры в Турции Абхазией действительно интересуются). И безусловно, Фазиль Искандер, которому в этом году исполнилось 80 лет, открыл Страну души гораздо раньше, войдя вместе со своим Сандра из Чегема в каждый дом читателя.

Мне всегда казалось, что Владислав любит книги Искандера и его героев – их просто нельзя не любить, тем более патриоту Абхазии, – но не любит говорить об этом. Потому что не может превозмочь в себе разочарование в писателе, от которого, видимо, ожидал прямой поддержки накануне и в годы войны. Став настоящим народным вождем, рискуя повседневно собой и своим народом, Владислав Ардзинба требовал от философа, писателя и поэта того же самого, то есть внутренне невозможного.

По складу своего характера, настрою своей музы Фазиль Искандер всегда был далек от всякой суеты и борьбы, кроме, пожалуй, отстаивания свободы индивидуальной мысли и творчества. При этом, Фазиль Абдулович еще и доверчив как ребенок или как абхазец, ко всякому, кто говорит ему хорошие слова. На всякого мудреца довольно простоты. Как только рука Фазиля заносилась над каким-то обращением или призывом в пользу Абхазии, его тут же начинали разводить, отговаривать и путать, взывая к его беспристрастности, дружбе и воспоминаниям, природному гуманизму, неприятию любого зла и любой власти.

Этого-то молчания в те годы Ардзинба Искандеру и не прощал - по крайней мере, в тех разговорах, которые мы с ним вели. Мог ли Владислав Ардзинба, у которого не было никаких воспоминаний об особенной писательской дружбе, предъявлять Фазилю Искандеру претензии? Исходя хотя бы из аналогии – поведения большей части грузинских писателей и художников, заведомо оправдывавших любые действия властей Грузии в Абхазии? Да, наверное. Был бы Фазиль Искандер тем всемирным писателем, Толстым и Чеховым своего народа и времени, которого мы знаем и любим, если бы пустился во все тяжкие, поставив свой талант на службу – пусть даже такому святому делу, как борьба за независимость Абхазии? Нет, конечно. Он рисковал стать для части своих читателей на одну доску с Чабуа Амирэджеби, Вахтангом Кикабидзе и другими певцами-пропагандистами узколобого национализма.

Видимо, каждый из них не мог бы вести себя по-иному. По-своему любя родину, они не сошлись: Искандер, для которого нет ничего дороже свободы, и Ардзинба, для которого нет ничего дороже свободы Абхазии. Когда дело касалось Абхазии, для Владислава Ардзинба не существовало никаких авторитетов. Что же говорить о его принципиальных столкновениях по этому поводу с людьми, которые по определению не чета Фазилю Искандеру?

Помню, как в 1997 году Владислав чуть не схватился с тогдашним командующим погранвойсками России генералом Андреем Николаевым. Николаев уговорил президента России дать ему полномочия на переговоры с Абхазией (ее тогда, с подачи Евгения Примакова, безуспешно пытались в очередной раз убедить в прелестях какой-то конфедерации с Грузией). Честолюбивый и амбициозный генерал счел, что легче справится с Ардзинбой (тем более что послевоенная Абхазия изнывала от санкций, наложенных на нее властями России). Николаев вздумал говорить с Владиславом в приказном тоне - после того как дело чуть не дошло до столкновения между российскими и абхазскими пограничниками в Сухумском морском порту. У Николаева ничего не вышло: Ардзинба сразу поставил его на место. Дело могло обернуться еще хуже. Я прекрасно помню, как убеждал Владислава, хотя бы ради приличий, вернуться за стол переговоров, которые проходили в домике на краю летного поля аэропорта в Адлере. Мы вдвоем целый час нарезали круги по этому полю, и Владислав, крайне возмущенный, все время повторял: «Он ненавидит Абхазию». Мне пришлось сказать ему, что Николаев не из тех, кто ненавидит или любит - он вообще вне этой системы координат. Просто он, как мальчик-отличник: хочет, чтобы у него всегда были одни «пятерки». Владиславу ни к чему было бить все горшки в отношениях с главным российским пограничником, он это лучше меня понимал. Вернувшись, он пожал Николаеву руку. Худой мир был восстановлен, но президент Абхазии ни на йоту не поступился интересами своей страны. Он ни перед кем не склонял головы.

Попади Ардзинба в годы войны в руки врагов – его, скорее всего, убили бы. Я вполне представляю, как этого могло бы произойти. Но, при всем воображении, не могу представить себе его униженным, просящим пощады. Есть французская поговорка «можно прикасаться только к голове принцев» – то есть особу королевской крови можно казнить, но не оскорблять. Никто не посмел бы, будь он даже в плену, ударить его по лицу.

При всем при том Владислав Ардзинба никогда не выглядел фанатиком идеи. Напротив, он был и, я уверен, остается, вполне земным, любящим простые абхазские радости человеком: мы не раз отдавали им должное, сидя за столами разной длины то в Гудауте, то в Сухуме, то на Большой Поляне во время праздника в Лыхнах. При мне его однажды втащили в танцевальный круг, это было в 1994 году в Сочи, - и ни до, ни после я не видел никого, кто с большим изяществом вел бы кавказский танец. Владислав ценит шутку и сам не прочь пошутить, но никогда не был живой фабрикой юмора или записным остроумцем. Он скорее посмеивался – по-крестьянски, по-доброму и никогда не прибегал к сальностям. Даже шутя, он всегда очень щепетильно относился к своему достоинству.

Это верно, что наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Слишком многое Владислав Григорьевич взял на себя и за все был в ответе. Если бы он поменьше любил свой народ, хотел держать его в узде после победы – глядишь, навел бы больше порядка, призвал бы к ответу иных мародеров и воров, даже имевших вчерашние заслуги. Порой он ошибался в людях: это виднее теперь, когда ему на смену пришел Сергей Багапш, которого он поначалу не хотел видеть своим преемником, и продолжил его дело. Легко упрекать того, кто держит на плечах свод.

...Если на все действительно Божья воля, Всевышний никогда не простит абхазский народ, если он отвернется или когда-нибудь забудет Владислава Ардзинба. Мы, не абхазы, можем ценить, уважать и даже относиться к нему по-братски – но он всецело принадлежит только своему народу. Отречение от Ардзинба для Абхазии и абхазов стало бы отказом от собственного пути, от самих себя. Какие-то более многочисленные и менее гордые народы с большим опытом собственной государственности могут, вероятно, время от времени позволить себе такую роскошь. Но не абхазы. Как Гарибальди в истории Италии, как Уоллес для шотландцев, Владислав Ардзинба был, есть и навсегда останется великим национальным героем абхазского народа – лидером, которого народ рождает, быть может, однажды, в самый ответственный момент в своей истории.

Константин Затулин,
депутат Государственной Думы РФ

Журнал «Апсны» №4, май 2009 г.

ПОЛИТИК ОТ БОГА

Владислава Григорьевича я знал еще в середине 1980-х, когда работал в Институте востоковедения РАН. Мы знали друг друга в лицо, но близких отношений между нами не было. Плотно общаться мы стали уже в середине лихих девяностых.

Благодаря Ардзинба с 1994 по 2000 год я проводил в Абхазии по два-четыре месяца в году, занимался исследованием древних традиций и религии абхазов, общался со многими людьми, в том числе старейшинами и жрецами. Ардзинба очень интересовался моей работой. Хотя поначалу довольно скептически отнесся к озвученным планам. Оно и понятно. Многие ученые приезжают в Страну души скорее для отдыха, чем для серьезной работы. Но после того как в 2000 году я принес Владиславу Григорьевичу на отзыв готовую докторскую, он очень въедливо ее изучал, вникая чуть ли не в каждую запятую. И написал объективный и обстоятельный отзыв, хотя в то время у него уже начались проблемы со здоровьем.

Ардзинба прекрасный ученый-востоковед, специалист по хаттам (древнейшее население Малой Азии), язык которых имеет родство с абхаза-адыгской языковой группой. Он написал очень хорошую книжку и докторскую диссертацию «Ритуалы и мифы древней Анатолии», в ней я обнаружил многие параллели с религией абхазов. К сожалению, все постепенно нивелируется и уходит, глобализация все вымывает. Если бы я не успел зафиксировать ритуальную практику святилищ и наши беседы с абхазскими жрецами, многое бы исчезло безвозвратно. Время бежит стремительно, и теперь очень многие из моих собеседников уже ушли в мир иной.

Какой Ардзинба был в молодости? Наши некогда юные барыни из Института востоковедения, которым уже под шестьдесят, до сих пор очень тепло вспоминают игры в волейбол, поездки на картошку, субботники и прочие мероприятия, в которых принимал участие юный Владислав Ардзинба. Как мне рассказывали, он был секретарем партбюро, но заботился в первую очередь не о следовании «партийной линии», а об интересах науки и сотрудников отдела Древнего Востока, который он возглавлял. Он был настойчив и уперт, так что институтские партийные боссы с ним предпочитали лишний раз не связываться.

Он никогда не был карьеристом. В советское время заниматься клинописью и протохеттами никакой карьерист не стал бы, это ж вам не какая-нибудь социалистическая ориентация стран третьего мира, на которой были сделаны сотни карьер. Он был человеком науки, но судьба вынудила идти в политику, и то, что он оказался достоин своей исторической роли, большое счастье для абхазов. Ардзинба был политиком от бога, вождем нации в самое трагическое для нее время. Однако он не типичный политик – слишком интеллигентный, но в критической ситуации ради национальных интересов способный на самые решительные меры.

То, что с ним произошло, загадка и большая трагедия. В 1997 году он улетел в Тбилиси на переговоры. Когда вернулся, я, памятуя о том, как в 1936 году в доме у Берия был отравлен абхазский лидер Нестор Лакоба, весьма неудачно пошутил: «Владислав Григорьевич, надеюсь, вы там ничего не ели?» В ответ Ардзинба только как-то невесело хмыкнул ...

Через несколько лет у него начались проблемы со здоровьем. Почва для подозрений об отравлении есть: насколько я знаю, начальник его охраны Гембер, который ездил с президентом в Тбилиси, уже умер. Как говорят его близкие, медики до сих пор не могут поставить диагноз. Ардзинба возили в Швейцарию, Израиль, все безрезультатно. Это дает основание предположить, что его болезнь – результат воздействия какими-то средствами, которые современной медицине не известны.

Последний раз я видел Владислава Григорьевича в октябре прошлого года. Мы не встречались несколько лет: несмотря на болезнь, глаза горят по-прежнему, ум совершенно ясный, но говорит с трудом. Мы долго беседовали о современных проблемах Абхазии, о ее будущем, о перспективах выживания абхазского этноса, о признании Россией независимости республики, чем это признание может обернуться, ведь тут есть не только положительные, но и отрицательные стороны. В условиях глобализации у нас на глазах исчезают десятки, если не сотни малочисленных народов, так что даже после признания Россией независимости Абхазии проблема этнического выживания абхазов сохраняет свою остроту.

Нынешний президент Сергей Багапш – гений политического компромисса, в 2004-м он сумел объединить совершенно разных политиков, которые находились в острой конфронтации друг с другом. Но даже ему не удалось преодолеть негативных последствий событий 2004 года.

Скоро новые выборы, и то, как они пройдут, у Владислава Григорьевича вызывает большое беспокойство. Во время нашей последней встречи у меня сложилось впечатление, что он больше всего хочет, чтобы новые выборы прошли как можно спокойнее, не вызвали нового раскола в обществе.

Александр Крылов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института
Экономики и Международных отношений РАН

Журнал «Апсны» №4, май 2009 г.

Записала Наталья ШАКЛАНОВА

ГЕРОИЧЕСКИЙ СЫН АБХАЗИИ

К 70-летию первого Президента Абхазии
Владислава Ардзинбы

Жизнь В.Г.Ардзинбы – это целая эпопея, тесно связанная со многими сложными событиями, происходившими в России, Грузии и на всем Кавказе в. конце XX и начале XXI века. Именно в эти годы раскрылась уникальная личность Владислава Григорьевича как человека, ученого, политика.

Родился он 14 мая 1945 года в приморском селе Эшера недалеко от Сухума, где открывается величественная панорама ущелья Гумисты.

Родился в простой абхазской семье, где оберегали, высоко ценили традиционную культуру. Отец его Григорий Киаминович и мать Надежда Шаабановна Язычба воспитывали в детях патриотизм, уважение к своему народу и его истории, почтительное отношение к людям, особенно к старшим.

После школы Владислав Ардзинба учился в Сухумском пединституте у будущих именитых ученых и выдающихся представителей абхазской интеллигенции Г.А. Дзидзария, Ш.Д. Инал-Ипа и других, с которыми еще до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в одном классе учился его отец. Именно с ними была тесно связана научная судьба Владислава, который после пединститута поступил и окончил аспирантуру Института востоковедения АН СССР, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В течение почти 10 лет работал в этом же институте научным сотрудником, а затем руководителем сектора идеологии и культуры Древнего Востока. После ухода из жизни Г.А. Дзидзария его, доктора исторических наук, избирают директором Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа.

Именно в этот период проявились его научное дарование и организаторские способности. По воспоминаниям крупного абхазского ученого-филолога и политического деятеля Вячеслава Чирикбы, В.Г. Ардзинба являлся ученым-востоковедом мирового уровня. Об этом свидетельствует его фундаментальный труд «Ритуалы и мифы древней Анатолии». За ним последовали и другие, в которых исследуются культура и язык хеттов и хаттов.

Особенно важны работы, в которых содержится сравнительный анализ хаттского и западно-кавказских языков. Как подчеркивает

В. Чирикба, наряду с работами его коллег В. Иванова и И. Дунаевской исследования В. Г. Ардзинбы «…стали основополагающими в области доказательства родственных связей языка хаттов с языками абхазо-адыгов. Чрезвычайно важны и новаторские работы Ардзинбы в области изучения нартского эпоса, абхазской мифологии и фольклора.

После возвращения В.Г. Ардзинбы из Москвы в Сухум еще активнее развернулась научно-исследовательская жизнь в абхазоведческом центре – в институте гуманитарных исследований. Одним из примеров является Всесоюзная сессия этнологов и антропологов в Сухуме, которая была организована и проходила под руководством В.Г. Ардзинбы. В те годы остро стоял вопрос о восстановлении подлинной истории абхазского народа, подвергавшейся грубой фальсификации в течение многих десятилетий. Поэтому в 1991 году была издана новая, в виде учебного пособия, «История Абхазии». В следующем году при активном содействии Владислава Григорьевича был подготовлен и опубликован сборник «Абхазия. Документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.».

О научной деятельности В.Г. Ардзинбы тех лет говорят и те ученые, которые постоянно находились рядом с ним. В.Ш. Авидзба, ставший после Владислава Ардзинбы директором АБИГИ и ныне руководящий им, подчеркивает, что у Владислава Григорьевича были серьезные планы по усовершенствованию научно-организационной деятельности института и расширению его связей и контактов с ведущими научными учреждениями России и мира. Была разработана специальная программа по развитию всех без исключения отраслей абхазоведения. Это подтверждается интересными наблюдениями нынешнего президента Академии наук Абхазии З.Дж. Джапуа, который подчеркивает, что В.Г. Ардзинба внес ощутимый вклад в кавказское нартоведение.

Наряду с большой научно-организаторской работой он постоянно оказывал помощь лидерам мощной политической организации – Народному форуму Абхазии («Аидгылара»). А затем и его самого захлестнула острая политическая борьба, которая шла в стране. В ходе ее он был избран депутатом Верховного Совета СССР. И, вскоре, 2 июня 1989 г., на I Съезде народных депутатов СССР на всю страну прозвучало его историческое выступление, в котором он разоблачил агрессивную политику руководства Грузии в отношении Абхазии. По существу, это был информационный прорыв о состоянии дел в грузино-абхазских отношениях. Этому предшествовало распоряжение Совмина Грузии о создании в Сухуме филиала Тбилисского государственного университета. Это означало, по существу, разделение Абхазского

госуниверситета по национальному признаку. Реализация его послужила причиной серьезных столкновений в дни приема экзаменов 15–16 июля, в которых погибли 14 человек. За этим последовал целый клубок политических противостояний, столкновений, различные острые государственные, политические решения, в которых проявились мудрость, дальновидность В.Г. Ардзинбы, его стремление до конца решить вопрос о государственной независимости Абхазии и полной свободе народа, но не путем войны, человеческих жертв. Это продолжалось до тех пор, пока войска Грузии 14 августа вероломно не вторглись на территорию суверенной Абхазии и не началась агрессивная война. В тот же день В. Г. Ардзинба выступил с обращением к народу Абхазии организовать отпор агрессору. Тем не менее он добился соглашения о прекращении огня и отводе войск. А грузинские войска, нарушив соглашение, 18 августа вошли в г. Сухум. В этот же день был образован Государственный комитет обороны во главе с Ардзинбой. Спустя несколько месяцев он стал Главнокомандующим Вооруженными силами Абхазии.

Все это всколыхнуло весь Северный Кавказ, особенно братские республики – Адыгею, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Краснодарский край. Развернулось мощное добровольческое движение среди молодежи, особенно среди адыгов и казаков. Руководители республик и краев, общественных движений региона, обеспокоенные судьбой Абхазии, активно включились в процесс прекращения кровопролития и регулирования конфликта. Президент Адыгеи Аслан Джаримов одним из первых включился в это дело, послал с конкретными предложениями своих представителей: в Москву – И. Машбаша, Р. Хаджебиекова, в Сухум – М. Беджанова. А сам собрал в Армавире руководителей северокавказских республик для принятия их совместного заявления, которое было опубликовано в "Российской газете".

Но война продолжалась. Скольких усилий, психических перегрузок стоило В. Ардзинбе подписание в Москве 3 сентября 1992 года при посредничестве Б.Н. Ельцина и при участии глав республик Северного Кавказа Итогового документа по урегулированию вооруженного конфликта! Это продолжалось до победного конца – до 30 сентября 1993 года. Сколько раз и во время войны, и в послевоенные годы со своим соседом и добрым другом Н.И.Кондратенко, руководителем Краснодарского края, Аслан Алиевич ездил в Абхазию то с гуманитарным грузом, то просто так, проведать В.Г. Ардзинбу.

Сейчас не время и не место детально раскрывать роль и значение В.Г. Ардзинбы в восстановлении разрушенной войной республики.

Хотелось лишь подчеркнуть, что добрые традиции дружбы, братства, заложенные А.А. Джаримовым и В.Г. Ардзинбой в суровое время, продолжались и в последующие годы, и сегодня. Они дружили семьями, ездили друг к другу как близкие друзья, показывая пример другим, закладывая основы дальнейших тесных связей. В качестве примера можно привести визит этого года в Адыгею нынешнего Президента Абхазии, сподвижника В.Г. Ардзинбы, политического, государственного, военного деятеля Абхазии в разные годы Р.Д. Хаджимбы. У него было немало встреч в республике, в том числе и с А.А. Джаримовым, и А.К. Тхакушиновым, и на родине Героя войны в Абхазии Адама Хуаде в ауле Гатлукай, и с матерями и родственниками добровольцев из Адыгеи в грузино-абхазской войне, и посещение Музея искусства Востока и т.д.

В продолжение этой доброй традиции недавно в Адыгее побывала делегация деятелей культуры Абхазии, куда входили Министр культуры Эльвира Арсалия, советник Президента Абхазии по культуре и науке, близкий сподвижник Владислава Ардзинбы, писатель, публицист, общественный деятель Владимир Зантария, председатель фонда первого Президента Абхазии, жена и сподвижница В.Г. Ардзинбы Светлана Джергения, которая является близкой подругой Фатимы Рамазановны – жены А.А. Джаримова, и другие. Делегация была тепло принята Главой Республики Адыгея А.К. Тхакушиновым, который поблагодарил ее за благородную миссию – за специальную выставку в честь В.Г. Ардзинбы, которую развернули в Северокавказском филиале Государственного музея искусства народов Востока. Это хорошая память о В.Г. Ардзинбе, который писал: «Нам навязали войну. Нас решили покорить и уничтожить. Но наш народ выстоял в справедливой борьбе с теми, кто посягнул на самое святое – на нашу Родину, кто пытался растоптать нашу государственность. И в этой священной борьбе мы опирались на братскую помощь народов Северного Кавказа, юга России, всех честных людей мира».

Руслан Мамий,
кавалер ордена «Честь и Слава Абхазии» III степени.

Газета «Советская Адыгея»,
13 мая 2015 года

ДЕНЬ ВОЙНЫ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ

17 августа 1992-го. Гудаута. Идет третий день Отечественной войны. Кабинет Владислава Ардзинба. Верховный Главнокомандующий дает задание министру здравоохранения Отару Осия оперативно организовать медицинскую службу армии. И уже в ближайшие дни аппарат Управления медицинской службы Министерства обороны РА составили Отар Осия – начальник медслужбы, Саид Лакоба – первый заместитель, Леонид Трапш – заместитель по лечебной работе, Валерий Авидзба – начальник службы этапов эвакуации, Лев Аргун – начальник медслужбы Гумистинского фронта и Новоафонского прифронтового госпиталя, Людмила Тарнава – начальник службы обеспечения, Шота Зухба – начальник хирургической службы армии, Зураб Миквабия – начальник травмотологической службы армии и представитель аппарата Управления в Ткуарчале, Вахтанг Вардания – начальник службы резервных и профильных госпиталей.

Мой собеседник Отар Осия, сегодня он возглавляет Научно-исследовательский центр курортологии Академии наук Абхазии, подчеркивает: «Назвал всех своих коллег, так как каждый внес совершенно неоценимый вклад и в организацию службы, а потом и в· свое сложнейшее, ответственейшее дело – ставить на ноги наших бойцов. А ранения у ребят, конечно, были разные, иногда и руки у нас, у медиков, опускались, но каждый раз мужество и профессионализм заставляли собраться и принять единственно верное решение. И горя много мы видели сами, и горе других. Не знаешь иногда, на войне с автоматом в руках страшнее или со скальпелем».

На первых порах медикам было трудно. Специалистов, знакомых со спецификой военной медицины, нет. Материального обеспечения – тоже. Но боль от происходящего с твоей родиной, любовь к ней, энтузиазм, понимание значимости своей профессии и своего дела стали основными составляющими – медицинская служба армии вскоре уже эффективно работала.

Но с самого первого дня и до конца войны, рассказывает Отар Владимирович, медицинская служба армии находилась под постоянным вниманием и заботой Владислава Григорьевича Ардзинба. Как минимум 1-2 раза в неделю он приглашал его к себе как начальника медслужбы, спрашивал о проблемах, о необходимой помощи и всег-

да оказывал ее. С санитарным транспортом было плохо – все приспособленное. Ардзинба, не раздумывая, выдал необходимую сумму, и у абхазской армии появилось 10 санитарных УАЗиков. Также беспрепятственно выдавались деньги на приобретение даже очень дорогостоящего, но необходимого медицинского оборудования.

– А еще я видел, как Владислав плачет, – говорит Отар Осия. – Это очень тяжело видеть, как плачет такой волевой, мужественный, сильный человек. Но он плакал. Он читал списки раненых и погибших, которые я ему приносил, и слезы мешали ему читать.

Потом Отар старался делать так, чтобы эти списки приносили Ардзинба из Министерства обороны. Ему, врачу, каждый день сталкивающемуся с болью и страданиями людей, некоторым из которых помочь уже нельзя, видеть и боль этого большого человека, было трудно…

Лилиана Яковлева.

Газ. «Республика Абхазия» №107,
23–24 сентября 2015 г.